

АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВ

ЧАСТЬ XI

ЗВЁЗДНАЯ КРОВЬ

ИЗТОЙ

Алексей Елисеев
Звёздная Кровь. Изгой XI
Серия «Звёздная
Кровь. Изгой», книга 11

<https://litres.ru/73374768>

SelfPub; 2026

Аннотация

Единство — это суровое и жестокое место, которое тебе сразу напомнит о своей сути, если начнешь о ней забывать. Из-за последствий аварийного выхода из холодной гибернации, большая часть воспоминаний о прошлой жизни утрачена, но я узнал, что и здесь живут люди... И не только люди, не вполне люди и совсем не люди. Это я для них пришелец. Друзья меня называют Киром из Небесных Людей. Для врагов у меня есть другое имя — Кровавый Генерал. Большинство первостепенных задач решено. Пришло время наладить быт и основать форпост для наших соотечественников и колонистов с ковчега «Хельга», чтобы уже наконец относительно нормально зажить, но Единство, а может судьба, снова ставит меня перед непростым выбором.

Содержание

481.	4
482.	16
483.	29
484.	41
485.	54
486.	66
487.	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Звёздная Кровь. Изгой XI

481.

Я поднялся из-за стола первым, отодвинув тяжелый резной стул. Он скрипнул по паркету, и этот деревянный, домашний звук показался в тишине неуместно громким. Желания попрощаться или изображать бодрость не было. Разговор попросту пересох, как вода в перегретом радиаторе. Слова закончились, аргументы — тем более, а расписывать очевидное по третьему кругу не имело смысла.

Пожалуй, что мы обсудили всё. Теперь, когда голоса умолкли, в комнату вернулась равнодушная к нашим тревогам ночь, которую предстояло чем-то заполнить. Я огляделся. Высокие потолки тонули в полумраке, по углам жались тени от книжных шкафов. Странное чувство — находиться в доме, который принадлежит тебе, но ощущать себя случайным постояльцем, которого пустили переждать непогоду. Здесь было уютно и пахло приятно. А от меня несло гарью и кислым, въедливым потом человека, прошедшего сутки в закрытой кабине.

Дана сидела напротив, не поднимая головы, и крутила в пальцах серебряную чайную ложку. Еще в начале разговора, когда я только вошел, она едва заметно повела плечом и чуть отодвинулась. Жест был вежливым, почти неувимым, но

красноречивым. Винить её было бы глупо. После многих часов в нейросопряжении пилот, испытывавший экстремальные нагрузки, пахнет не полевыми цветами. Добраться до бани, побриться и смыть с себя этот липкий налет войны, категорически было нельзя. Если я так поступлю, то отправиться на ночную вылазку будет во сто крат сложнее. Глаза слипались, веки казались налитыми свинцом.

— Всё? — тихо спросила она, не глядя на меня.

— Всё, — ответил я.

Мой голос прозвучал хрипло. Между нами повисла пауза, тяжелая и вязкая. Казалось, надо что-то добавить, подбодрить, сказать что-нибудь человеческое, не касающееся калибров и фланговых атак. Но в голове мельтешили только схемы подачи топлива и показатели температуры химической реакции.

Я шагнул к двери, чувствуя, как затёкшие мышцы неохотно включаются в работу. Я был чужеродным элементом в этой гостинной, грязным пятном на безупречном уюте особняка.

Не оборачиваясь, взялся за холодную бронзовую ручку двери и замер. Снаружи, за толстыми каменными стенами, там, где город встречался с подступающей тьмой, глухо ухнуло. Звук был низким, утробным, он прошел сквозь фундамент, сквозь подошвы сапог и отдался в солнечном сплетении. Работала тяжелая артиллерия. Только на этот раз не наша. Это был прилёт. Закончилась наша стрельба как в ти-

ре по тем кто не в состоянии ответить.

На столе, у самого края, тонко и жалобно звякнула забытая кем-то десертная вилка, ударившись о край фарфорового блюда. Этот мелкий, домашний дребезг прозвучал страшнее прилёта. Я постоял еще секунду, слушая, как этот звук затихает, растворяясь в тишине большого, чужого мне дома, и вышел в коридор.

— Я буду в оружейной, — бросил я в пространство, не обращаясь ни к кому конкретно.

Это было лишь обозначение намерения, пустая формальность, чтобы не уходить молча. Фраза повисла в воздухе и рассыпалась, не найдя отклика. Дана даже не подняла головы. Она лишь коротко, отрывисто кивнула, уже целиком уйдя в колонки цифр вместе с Локи. Взгляд её остекленел, расфокусировался, обратившись внутрь, туда, где в её сознании выстраивались логистические цепочки и схемы снабжения. Её ладонь медленно, с механической монотонностью провела по гладкой поверхности стола из камнедерева — раз, другой. Она словно смахивала невидимые хлебные крошки, или несуществующую пыль.

Локи, сидевший по правую руку, на миг оторвался от карты. Его лицо оставалось неподвижной маской, в которой не было ничего, кроме голой функции и практической необходимости. Наш штатный циник, Чор, лишь фыркнул. Этот звук — короткий, едкий, похожий на чих простуженного додо, — был красноречивее любой реплики. Обычно он не

упускал случая вставить шпильку, особенно когда момент требовал серьёзности, но сейчас промолчал. Возможно, чутьё подсказало ему, что шутка сейчас прозвучит как звон монеты на похоронах. Нам с ним предстояла долгая и кровавая ночь, и он это понимал.

За дверью меня встретил большой зал гостиной. Контраст ударил сразу: здесь было на несколько градусов холоднее. Высокие потолки тонули в вязком полумраке, массивные стены из грубо отёсанных блоков дышали холодом. Кое-где на полу лежали ковры, но они были бессильны перед акустикой этого места. Шаги здесь звучали громко, одиноко и как-то обречённо. В таких декорациях легко вообразить себя властелином, вершителем судеб, фигурой исторического масштаба. Но стоит пройтись здесь в одиночку, как приходило понимание того, что каким бы сильным Восходящим ты бы не являлся — это всего лишь мимолётная тень на этих вечных камнях. Титул не защитит от сквозняка, а герб не удержит стену, когда в ворота начнут бить тараном.

Я уже почти добрался до дальней арки, когда тишину разрезал голос. Тихий и чистый, без внутренней дрожи:

— Господин мой...

Звук прокатился под сводами, отразился от дальней стены, набрал силу и ударил мне в спину. Я остановился. Самое простое, что можно сделать, когда тебя окликают перед боем, — это сослаться на занятость, скрыться за маской озабоченного командира. Но я давно усвоил одно правило: отло-

женный разговор — это долг, на который набегают чудовищные проценты. Он никуда не исчезает, он копится, растёт в тени и настигает тебя в самый паршивый момент, когда сил на него уже не остаётся.

Я обернулся медленно, давая себе пару секунд, чтобы вытряхнуть из головы остатки обрывков ненужных мыслей.

Это была Энама. Возможно, что среди моих жён были и более красивые женщины, но Энама определённо оставалась самой милой. Она стояла в проёме служебного входа. Узкий луч света из коридора падал ей за спину, поэтому сперва я различил только резко очерченный силуэт — обманчиво хрупкий и мягкий. Потом глаза привыкли к сумраку зала. Она была в простой набедренной повязке из тонко выделенной кожи какого-то озёрного гада, словно собиралась куда-то плыть под водой.

Руки она держала перед собой, крепко сплетя пальцы в замок. Плечи были неестественно приподняты, словно она ожидала удара. Взгляд её был опущен, но смотрела она не в пол, а куда-то в пространство у моих сапог, изредка бросая быстрые, нервные взгляды мне в лицо, пытаясь уловить настроение. Это было похоже на предельную осторожность дикого зверька, который вышел к водопою, зная, что в кустах может сидеть хищник.

— Да, душа моя? — сказал я.

Голос в пустом зале прозвучал неожиданно мягко, глуше, чем я рассчитывал.

— Подойди ближе. Не нужно стоять в тени.

Она сделала один шаг на край ковра. И снова замерла, будто уперлась лбом в невидимое стекло.

Внутри у меня сработал старый маркер. Если человек, идущий к тебе, останавливается дважды на короткой дистанции, дело дрянь. Это значит, он просит не о ерунде. Не о лишнем одеяле и не о выходном. Такая просьба весит тонну, и этот груз давит на плечи, мешая идти.

Ждать я не стал. Смотреть, как она мучительно подбирает слова, которые всё равно застрянут в горле, было бы жестоко. Я сам сократил дистанцию и встал прямо перед ней.

Она была ниже меня на голову. Вблизи я разглядел мелкую дрожь ресниц и напряжённые скулы. Гладко зачёсанные тёмные волосы обдали приятным запахом. Как же она была красива в этот момент.

Медленно, чтобы не испугать супругу резким движением, я поднял руку и коснулся её лица. Двумя пальцами — большим и указательным — я осторожно взял её за подбородок. Кожа Энамы оказалась прохладной. Я слегка приподнял её голову. Не для того, чтобы показать власть, и уж точно не для того, чтобы причинить боль. Мне нужно было, чтобы она перестала рассматривать узоры на ковре. Чтобы её взгляд перестал метаться и прятаться в удобной темноте смущения, а встретился с моим.

— Энама, детка, я очень рад тебя видеть, — мягко ласково проговорил я, глядя ей в глаза. — Но времени у нас дей-

ствительно в обрез. Счёт идёт уже даже не на часы, а на минуты. Так чего же ты смущаешься? Просто скажи мне, что тебя волнует.

Она сглотнула. Я увидел, как дёрнулось, напрягшись, её горло, как натянулись под тонкой кожей струны мышц. Держалась она словно решила на прыжок через пропасть. И знала, что может разбиться, понимала глубину, но не отступает, потому что сзади её уже догоняет лесной пожар.

— Я стесняюсь, господин мой, — выдавила она наконец, — Стесняюсь, что... что плохо угодила вам той ночью. Или, может, чем-то ненароком обидела. Не угадала желания. Не поняла настроения. Вы... вы потом меня не хотели видеть. Избегали. Я это чувствовала.

Вторая половина фразы прозвучала ровнее. Значит, репетировала. Не один час гоняла эти слова в голове, как четки, подбирая интонацию, ища ту самую ноту, что вызывает не гнев, а, скажем, жалостливое снисхождение. Я отметил этот факт машинально и тут же отбросил. Весь этот любовный флёр, все эти намёки на интимную неуклюжесть были лишь дымовой завесой. Манипуляцией. Мне сейчас нужна была не мелодрама, а голая суть.

Я убрал руку. Мои пальцы разжались, отпуская её подбородок, но отступать я не стал. Не увеличил дистанцию ни на сантиметр. Остался стоять вплотную, нависая, не давая ей возможности спрятаться обратно в свою раковину.

— Я тебя вижу, — тихо сказал я, чётко разделяя слова

паузами. — Я на тебя смотрю. И я тебя слышу. Информацию принял. Теперь — к делу. Что за этим стоит на самом деле? Причина.

Она вдохнула. Шумно, глубоко, набирая полные легкие воздуха перед погружением в ледяную воду. Грудь её судорожно поднялась и опала.

— В городе есть сироты... их очень много, господин мой. Они даже просить милостыню не умеют. Многие просто сидят в домах и молча ждут конца. И... и некому о них позаботиться. Власти всё равно, верхушки гильдий разбежались как тараканы, остальные или работают в три смены, либо в ополчении, бывшие благотворители сами дерутся за крошки в очередях. Господин мой, — голос её окреп, в нём зазвенела тонкая стальная струна, — у вас здесь огромный дом. Два крыла особняка стоят пустыми. Здесь много места. А Дана... Дана творит чудеса с запасами и следит, чтобы их хватало. Может... может, мы могли бы взять...

Она запнулась. Резко, словно язык наткнулся на невидимый барьер. Взгляд снова робко опустился вниз, к носкам моих сапог. Она словно испугалась своей собственной смелости.

Я снова взял её за подбородок — на этот раз быстрее, жёстче. Чтобы зафиксировать и завершить беседу.

— Сколько? — спросил я.

Она растеряно моргнула, растерявшись от смены тона.

— Сколько... детей, господин мой? Вы спрашиваете...

— Да. Число. Цифра. Ты считала их?

Пауза затянулась. Тяжёлая, вязкая тишина, в которой можно было ножом резать её страх. Страх назвать слишком малое число, которое ничего не изменит. Или объявить слишком большое, и получить отказ. И самый главный, липкий страх любого просителя — услышать вежливое, сухое «потом». Это «потом» никогда не наступит.

Я не дал ей захлебнуться в сомнениях.

— Хорошо. Слушай меня внимательно, Энама. Я не дам тебе разрешения. Разрешение — это милость, барский жест, который сегодня есть, а завтра нет. Как твой супруг даю тебе строгий наказ — забрать в этот дом столько детей, сколько мы реально сможем прокормить, обогреть, поставить на ноги. Поняла? Не передержать ночь до рассвета, а полноценно поднять.

Глаза у неё расширились. В них полыхнуло, но не радостью. Сначала — шок, полное непонимание, будто я заговорил на древнем наречии. А потом, спустя секунду, в глубине зрачков зажёгся холодный, расчётливый огонёк. Она перестала быть просительницей и стала администратором.

— Поднять, господин мой? — переспросила она тихо, уточняя задачу.

— Воспитать. Вырастить. Дать не просто угол и миску каши, а навык. Профессию. Понимание того, как выжить во взрослом мире. А потом — отпустить, — я чеканил слова, вбивая их, как сваи. — Не в канаву к нищим, а процветаю-

щих и уважаемых людей. В их собственную жизнь. Поэтому первое. Ты сейчас идёшь к отцу и к Дане. С ними садишься, открываешь книги учёта, смотришь на склады и выводíš реальную, трезвую цифру. И второе... Ты берёшь на себя полную ответственность за этот новый сектор.

Она кивнула. Сначала это вышло по инерции, но затем движение замедлилось, налилось тяжестью осознания. Это был уже согласие человека, взваливающего на себя непосильную ношу — крест, под которым придётся идти, сбивая ноги в кровь. Она приняла этот груз всем своим существом, и я увидел, как её хрупкие плечи слегка опустились, точно на них в самом деле положили мешок с мокрой солью.

— Благодарю, господин, я... — начала она, и голос её дрогнул.

Но я не дал ей договорить. Не позволил скатиться обратно в болото ритуальных формул. Шагнул к ней, наклонился и накрыл её нежные губы своими, словно ставя печать. Поцелуй вышел коротким и горячим, как удар электрического разряда, призванный сбить сбойную программу, перезагрузить сцену, стереть придуманную супругой дистанцию. Она замерла, окаменела на секунду, точно поражённая громом. Но потом ответила. Губы её дрогнули, приоткрылись, и в этом ответе сквозили едва сдерживаемое желание сила и боязнь сделать лишнее движение, выдохнуть невпопад и тем самым разрушить хрупкий момент нежности.

Время остановилось, давая нам передышку. И именно в

этот миг, когда воздух между мной и супругой зазвенел от напряжения, из густой тени за массивной колонной, раздался голос.

— О-о-о! Картина, достойная кисти старых мастеров! — протянул он, намеренно растягивая гласные, точно пробуя каждое слово на вкус, как дешёвую конфету. — Какая трогательная идиллия. Вот прямо сейчас у меня сердце разорвётся от умиления. Аж в носу защипало...

Чор произнёс это негромким, почти интимным шёпотом, но в гулкой акустике большого зала каждое слово прозвучало отчётливо.

Я оторвался от Энамы не сразу. Выдержал паузу, дал себе ровно секунду, чтобы перевести дух, чтобы кровь отлила от лица, и чтобы спокойствие не выглядело наигранным. Она стояла рядом ни жива ни мертва, и я физически ощутил, как всё её тело вновь сжалось в тугой, дрожащий комок желания. Она снова потупила взгляд, но теперь уже не от смущения передо мной.

— Иди, детка, — произнёс я тихо. — Иди прямо сейчас. Начни с разговора с Локи. Скажи ему — такова моя воля, и обсуждению она не подлежит. А потом... просто дождись меня. Я вернусь. Обязательно вернусь. И докажу тебе на деле, что я не огорчён, не раздосадован, а совсем даже наоборот.

— Да, господин мой, — пролепетала она непослушными губами.

Только тогда, убедившись, что она не упадёт, я перевёл

взгляд на Чора. Повернул голову медленно и лениво, давая ему понять, что его появление зафиксировано, оценено по достоинству, и счёт будет предъявлен.

Он стоял, привалившись плечом к высокой каменной арке, ведущей в зимний сад — туда, где ничего не росло с самого того момента, как этот большой дом достался мне. Поза его была нарочито небрежной, развязной, словно он случайно забрёл сюда от скуки. Руки свободно висели вдоль тела — ни угрозы, ни напряжения, полная расслабленность зоргха, который ни черта не боится. На тонких губах змеилась знакомая, чуть кривая ухмылка — дежурная маска шута, циника и насмешника. Но взгляд... Взгляд был иным. Холодным, колючим, въдливым. В нём не было и тени веселья. Чор сканировал пространство, нас, тени по углам. Он всегда был на чеку. Даже когда кривлялся, когда сыпал сальностями и балагурил, его уши ловили каждый шорох, каждый вздох, каждый скрип половицы.

— После полуночи идём за стены, — сказал я, оборачиваясь к нему и чувствуя, как затекли мышцы спины. — План простой. Я отвлеку внимание и создам шум. Ты отстреливаешь Восходящих и тех, кто их охраняет, но главная цель — именно Восходящие. Бей издалека, в ближний бой не лезь ни при каких условиях. Никакой самодеятельности и героизма. Увидел цель — снял. Не увидел — молчишь, не дышишь и ждёшь. Подбираются враги — уходишь в тени и меняешь позиции. Твоя задача — болезненные точечные уколы, не больше. Выстрелил один раз, вышиб мозги и исчез, пока жертва ещё не поняла, что уже умерла.

Чор уселся на край стола, отодвинув локтем несколько упаковок с патронами для «Суворова», и начал болтать короткими ножками, будто мальчишка в учительской. Его синие пальцы, покрытые мелкими шрамами от пороховых ожогов и порезов, взяли один из магазинов, повертели его в руках, оценивая вес и баланс. Потом он провёл ногтем большого пальца по краю горловины, проверяя заусенцы — этот маленький, почти ритуальный жест, казалось, успокаивал его, приводил мысли в порядок. В полумраке оружейной его кожа отливала фиолетовым, а вертикальные зрачки сужались и расширялись, подстраиваясь под тусклый свет керосиновой лампы.

Зоргхи, при всей своей храбрости и упрямстве, не были приспособлены для того, чтобы вломиться в строй и рубить-ся до последнего в штыковой атаке. Рост и телосложение для линейной пехоты неподходящие. Тяжёлый доспех и ближний бой чаще работали против них, чем наоборот. Даже в отрядах Легионов это понимали. Зоргх почти всегда полезнее на дистанции, чем в рукопашной.

Зато у зоргхов имелись качества, которые в Единстве ценились куда чаще, чем пафосная героика. Они народ преимущественно подземный, и селились в глубоких пещерах и тоннелях, выращивали мяс-грибы и светящийся мох, а на корм животным использовали неприхотливые грибные культуры. Такой образ жизни учит двум вещам: видеть в полумраке и не шуметь там, где шуметь нельзя.

Поэтому, когда зоргх оказывался на поверхности и в составе чужого отряда, его чаще всего ставили ночным наблюдателем, разведчиком или снайпером. Малый рост этих подземных жителей облегчал боевые действия из укрытий. То, что для человека было плохой позицией, для зоргха часто оказывалось уже полноценной лежкой. А глаз у них цепкий, и это не поэтическая метафора. Иногда в группе прямо говорят, что зоргх видит дальше и точнее остальных.

В бою зоргхи стреляют без суеты и без лишнего геройства. Их стиль простой и в то же время очень и очень эффективный. Залечь, выждать, выбрать цель, снять цель, сменить позицию, пока по тебе не открыли ответный огонь. Проблема с

зоргхами только одна — те, кто управляет, наводит, колдует, командует, тот просто мешает всем без исключения зоргхам жить сильнее остальных, если, конечно, он сам зоргом при этом не является. И да, любят эти коротышки такие позиции, где есть обзор и где можно максимально оттянуть момент, когда враг доберётся до тебя чтобы ткнуть штыком или рубануть мечом.

В Легионе отдельные «команды зоргов» обычно не держат одним большим подразделением. Гораздо чаще их делят на небольшие группы — пары или тройки и прикрепляют к более крупным подразделениям, как союзные контингенты. Так проще встроить их в общий план, а сам зоргх не остаётся один. Если ситуация внезапно скатывается в ближний бой, всегда есть кому его прикрыть.

Репутация зоргов в отрядах всегда двойная. С одной стороны, это те самые «коротышки», над которыми шутят. С другой, эти же шутники обычно быстро начинают говорить тише, когда понимают, что их жизнь реально держится на том, как точно зоргх работает с винтовкой и насколько вовремя он замечает угрозу. Встречаются среди них стрелки уровня «один на тысячу», как Чор Комач, нередко.

Второй талант зоргов, из-за которого их терпят даже самые ворчливые, это еда. Сами зоргхи любят уют, тепло и хорошую пищу, и это часть их культуры, а не «прихоть одного конкретного коротышки».

В отрядах нередко выходит так, что один и тот же зоргх

днём прикрывает с дистанции, а вечером заведует котлом. И, что особенно раздражает окружающих, обычно у него получается. Есть даже конкретные примеры, когда зоргха одновременно описывают как отличного стрелка и человека, который умудряется готовить так, что «каша из топора» внешне становится похожей на нормальную.

Любовь к еде, как водится, ведёт и к третьему «таланту». Зоргхи отлично умеют «находить» провиант и полезные мелочи. Иногда это реально добыча и хозяйственность, иногда мелкое воровство, а иногда уже откровенная контрабанда. В армейском и отрядном фольклоре это сформулировано прямолинейно: «перестанешь воровать всё, что плохо лежит и не приколочено гвоздями к полу».

Отдельная тема: ведьмин корень. Неоднократно известны случаи, когда зоргхов пытались брать за торговлю этим дурманом, и это уже не шутки и не «ой, случайно нашёл». Партии этого наркотика, которым зоргхи торгуют, как горячими пирожками могут быть феноменально большими.

Итог простой. Зоргхи не созданы для лобовой войны, но они идеальны там, где решают глаза, терпение, укрытие и точный выстрел. А ещё они делают так, чтобы отряд не превратился в голодную злую толпу, потому что горячая и вкусная еда чаще важнее лишнего патрона.

— Понял, босс, — ответил он наконец, не поднимая глаз от магазина. — Всё ясно как древо-день. Правда, есть одно «но». У тебя сейчас лицо... такое особенное лицо. Знаешь,

какое? Как будто уже сказал «А», уже почти сказал «Б», и сейчас, по всем законам жанра, должен выдать сюрприз. Скажем так... Лицо, предваряющее слова «а ещё...». Я угадал?

Я не стал отвечать. Просто открыл Скрижаль. Пространство передо мной, на уровне глаз, словно помутнело, и в этой дымке проступили очертания — серебристый, холодный, нечеловеческий интерфейс вспыхнул в сознании больше, чем в глазах, заставив кожу на предплечьях покрыться мурашками от знакомого холода. В маленькой комнате вдруг стало тесно, будто в неё вошёл кто-то третий, огромный и безмолвный, чьё присутствие ощущалось давлением на барабанные перепонки. Я провёл взглядом по мерцающим руническим глифам и выбрал тот самый, что принёс вчера Большой Ух после ночной вылазки — принёс как трофей, как доказательство своей полезности и как немое, но красноречивое напоминание, что даже слепой грызун, если правильно его использовать, может принести больше пользы, чем иной раззолоченный, кичащийся родословной дворянин.

Я сосредоточился на Руне. Заклинание. Ранг — Бронза. Название: «Воздушное Лезвие». Ощущение было странным — будто в кармане лежит нечто живое, дышащее, готовое в любой момент вырваться на волю.

— Открой Скрижаль, — приказал я.

Когда Чор сделал, как я сказал, перекинул ему её прямой передачей — без пафоса, без церемоний, как передают патрон или кусок хлеба в окопе.

— Это теперь твоё...

Он перестал улыбаться. Маска шута сползла мгновенно, как будто её и не было, обнажив лицо профессионала, который вдруг столкнулся с чем-то, выходящим за рамки привычного торгога. Он всегда становился таким — сосредоточенным, серьёзным, почти безэмоциональным — когда дело касалось настоящих вещей. Деньги, обещания, даже смерть не могли его заставить быть серьёзным, но оружие и силы в чистом их виде заставляли его молчать и думать.

— Моё? — переспросил он без интонации, будто проверяя вкус незнакомого вина на языке. — Это... как? За что, босс?

— Не спрашивай «как», — оборвал я его, чувствуя, как усталость накатывает волной, но отгоняя её волевым усилием. — Теперь она твоя. Это настоящее боевое заклинание. Используй его только в крайнем случае. Потому что меткость, с которой ты стреляешь, и есть настоящая магия — та, что не требует Звёздной Крови и не оставляет её следов, указывающих на тебя.

Он наконец поднял на меня глаза. В них не было ни благодарности, ни восторга — зорghi, несмотря на то, что очень на людей похожи, как это делают люди, благодарить не уметь. В его взгляде читался только холодный, проникающий анализ, будто он взвешивал не Руну, а сам факт моего решения, пытаюсь понять, какой долг теперь висит на его шее. Чор кивнул — коротко, без лишних жестов.

— Руна создаёт что-то вроде силового поля, — объяснил я коротко, опираясь ладонями о край стола и чувствуя под пальцами холод металла. — Формирует сфокусированную, невидимую кромку, дальность примерно до пятидесяти метров. Скорость формирования — мгновенная. Звук — тише шёпота. Потребление Звёздной Крови — умеренное. Откат почти мгновенный. Идеальна для тихой работы. Когда нужно убрать часового, не дав ему пикнуть. Перерезать трос или верёвку. Вскрыть замок или уплотнитель бесшумно. Как нож, который сам режет, а тебе остаётся только направить его лезвие.

Чор закрыл свою Скрижаль. Потом снова открыл, посмотрел на новую Руну, будто пытаюсь прочесть в её глифах скрытый подтекст, ловушку или условие, которое я утаил. Но, конечно, всё было чисто. Его пальцы непроизвольно сжали край стола — единственный признак внутреннего напряжения.

— И что я должен отдать взамен? — спросил он начисто, без обиняков, как настоящий торговец. — Обычно ты, босс, так просто подарки не раздаёшь. Особенно такие. В моём мире за подобное просят руку, ногу или клятву крови. Что от меня ждёшь?

— Ты уже расплачиваешься, Чор, — сказал я тихо, глядя ему прямо в узкие зрачки. — Ты расплатишься этой ночью и следующей, и через ночь. Своей точностью, хладнокровием и жизнью, если понадобится. Этого достаточно. Больше я

ничего не требую. Просто хочу чтобы ты оставался как можно дольше живым.

Зоргх снова погасил свою Скрижаль и коротко кивнул — этот жест значил больше любой клятвы. Дальше готовились и снаряжались уже молча. Он призывал иглы для своего АКГ-12, набивал и проверял обоймы, я затягивал ремни подсумков, мы двигались в полумраке оружейной, как два механизма, работающих в унисон без лишних слов. А когда всё было закончено, мы вышли обратно в большой зал, и, как ни странно, я снова почти столкнулся с Энамой. Она стояла у колонны, прислонившись плечом к холодному камню, будто черпая из него силы. Супруга подняла глаза, нашла мой взгляд и тут же опустила затрепетавшие ресницы, но я успел заметить, как дрогнули уголки её губ — не улыбка, а скорее лёгкая судорога сдерживаемого чувства, будто она проглотила слова, которые хотели вырваться наружу, но сдержалась. Гордая речная дева не плакала и не цеплялась за рукав. Просто ждала, чтобы проводить нас... Меня проводить.

Я подошёл к ней, отбросив все мысли о мягких подходах и утешительных фразах — сейчас время дороже золота, и каждая секунда промедления сегодня могла стоить чьей-то жизни кого-то из наших союзников завтра. Сзади раздался демонстративный громкий кашель. Чор, привалившись к косяку плечом, смотрел на нас с преувеличенным терпением, скрестив руки на груди и закатив глаза к потолку, но меня это не смутило. Я обнял Энаму — коротко и крепко, чув-

ствуя под пальцами хрупкость её плеч и запах травяного масла в волосах — а в следующее мгновение мы с Чором уже вышли на широкий балкон, где нас встретил ночной ветер, несущий с собой запах дыма, крови и далёких костров Орды.

Город уже погрузился в мёртвую тишину — последние лампы в окнах погасли одна за другой, будто невидимая рука методично задувала свечи в гигантском склепе. Я остановился посреди балкона, чувствуя под сапогами твердь камня, пропитанного ночной влагой, и сделал глубокий вдох, набирая в лёгкие воздух, в котором ещё витал слабый запах дыма и чего-то сладковато-гнилого — отголосок сегодняшних боёв. Затем потянулся сознанием к тому тёплому загадочному узлу в груди, где пульсировала Звёздная Кровь, и вызвал Аспект.

Сначала воздух вокруг меня сгустился, стал плотнее, будто кто-то выкачал из него всё тепло и заменил ледяной пустотой. Кожа на предплечьях покрылась мурашками, а в ушах зазвенело от внезапного перепада давления. Потом из этой сгущающейся тьмы, из самой ткани сумерек, начал проступать силуэт — огромный, угловатый, упрямый, не желавший подчиняться привычным законам пространства. Он вытягивался из тени по частям, будто материализуясь из кошмара. Сначала распластались тяжёлые крылья с перьями, блеснувшими сталью, острыми как лезвия, потом обозначились мощные хватательные лапы с когтями, уже впившимися в камень балкона без единого звука, и наконец проступила ши-

рокая спина, покрытая не то чешуёй, не то бронёй, отливающей в темноте тусклым металлическим блеском. Спина, на которую можно было сесть, как на седло из живой стали.

Чор подошёл ближе, не выказывая ни страха, ни восторга, привыкая к резкому изменению освещения. Чего у него не отнять, так это умения держать лицо даже тогда, когда внутри всё кричит.

— Миленько, — процедил он, обводя взглядом существо снизу доверху, будто оценивая подержанную повозку на базаре. — Настоящее средство передвижения с крылышками для богатеньких магистратов...

— Залезай, — коротко перебил я его разглагольствования, усаживаясь впереди, в естественное седло, образованное изгибами оперения и мышц. — И рот держи закрытым, когда взлетим. Не вздумай смотреть вниз, пока я не скажу.

Он фыркнул, но послушно полез на спину чудовища, цепляясь за выступы брони короткими ловкими пальцами. Я закрыл глаза на миг, проверяя ментальную связь. В основании черепа откликнулся тихий глухой гул, ровный и уверенный, как работа сердца здорового зверя. Затем настроил дополнительный канал — Ментальную Связь с Чором. Для мгновенных, беззвучных команд в тот самый критический момент, когда слова будут лишними.

— Слушай сюда, — сказал я, не оборачиваясь, чувствуя за спиной его тёплое, напряжённое тело. — Если там, на месте, что-то пойдёт не по плану, — не геройствуй. Не пытайся

меня спасать. Я уйду в любом случае, ещё и тебя вытащу, если останешься живым. Твоя задача — выполнить свою задачу и остаться живым. Остальное — мои проблемы. Я тебя вытащу.

Чор замер на секунду, потом его пальцы крепче впились в броню Аспекта.

— Я и не собирался геройствовать, — донёсся его голос, приглушённый встречным ветром. — Так-то собирался выжить, босс. А потом, много лет спустя, сидя у камина с кружкой эфоко в руке, громко смеяться над этой нашей авантюрой, может даже книгу написать. Со всеми деталями — как ты бледнел, когда мы пролетали над бесконечным морем ордынских костров, и как я чуть не свалился, потому что ты резко свернул.

— Отлично, — сказал я. — Тогда держись.

Аспект оттолкнулся от земли одним мощным толчком задних лап — особняк мгновенно ушёл вниз, превратившись в маленькое игрушечное пятно среди геометрии крыш, чёрных линий улиц и каналов. Ветер ударил в лицо сразу же, как только мы вышли за пределы прикрывавших нас стен, — плотный, свистящий поток, вырывающий слёзы из глаз и впивающийся в кожу ледяными иглами. Город раскинулся под нами огромным раненым телом, из которого ещё сочилась жизнь. В его тёмной плоти пульсировали редкие, больные огни — лампы в казармах, дежурные костры на стенах, одинокие фонари у ворот. А далеко за зубчатой линией

внешней стены ярко горело то самое кольцо — костры Орды. Они светили в ночи нагло, будто это они, а не мы, были здесь хозяевами, устроившими пикник на наших полях, а мы — всего лишь незваные гости, которых потерпят неуютное соседство до утра.

Я держал высоту, не снижаясь, направляя Аспекта плавной дугой над спящим городом. Летать низко над осаждённой цитаделью просто опасно — всегда найдётся какой-нибудь нервный, но зоркий стрелок на стене, который решит, что тень в небе — идеальная мишень для подвига и повышения по службе. А объясняться потом, почему твой мундир изрешечён... То ещё удовольствие.

Мы пролетели над чёрной гладью Белого Озера, где вода поглощала все звуки, делая пространство над собой глухим и безмолвным, будто мы влетели в пузырь вакуума. Потом миновали глубокий ров и поднялись над той самой тёмной серой лентой главной стены — там, на зубцах, как крошечные куклы, мелькали люди — наши часовые.

За стеной взял курс на скопление тыловых огней, где стоянка Орды выглядела особенно плотной и многослойной — там, в этой толчее из повозок, шатров и живых тел, обычно и следовало искать голову. Если у этого бесформенного тела вообще была голова, то она была где-то там. В том, что это единое командование, я уже не сомневался. Не может коллективный инстинкт, жаждущий чужой крови так грамотно командовать разведкой боем. Чёрной и безмолв-

ной тенью скользил мой Аспект над спящим лагерем врагов, словно предвестник того, что должно было случиться через несколько минут — когда тишина взорвётся паническими криками.

Война, как мне уже неоднократно доводилось замечать, даже в минуты вынужденного безделья не останавливается. Она имеет свойство течь непрерывно, как подземная река, даже когда внешнему наблюдателю кажется, будто противоборствующие стороны застыли в безнадежном позиционном тупике и фронт омертвел.

Я намеренно посадил Аспект далеко за линией вражеских костров, выбрав для высадки глухую низину, где тень казалась густой, почти осязаемой материей, способной надёжно скрыть наши намерения. Мне требовалось время, чтобы затем устроить эффектную, психологически подавляющую демонстрацию силы, пока Чор будет выполнять свою кровавую жатву, отстреливая тех, кто мог бы проломить нашу недавно возведённую стену. Аспект коснулся грунта, и я физически ощутил, как тяжёлые ноги гиппоптера продавливают слой прошлогодней прелой листвы, погружаясь во влажную, чавкающую болотистую почву. Воздух здесь был пропитан гнилой болотной водой и ожиданием скорой смерти.

Чор прыгнул первым, соскользнув в высокую траву бесшумно, словно ртуть. Он мгновенно припал к земле, провёл широкой ладонью по стеблям, огляделся с хищной осторожностью, а затем приложил руку к влажной почве, будто стараясь нащупать пульс. Это была его старая привычка — я по-

нятия не имел, в каких краях и кто именно привил ему этот навык, но подобные атавизмы, отточенные годами выживания до автоматизма, чаще всего просыпались в нём именно в критические моменты, когда разум уступал место инстинктам.

— Какой именно дорогой выдвинемся к лагерю Восходящих ургов? — спросил он шёпотом, который по своей тональности и густоте практически ничем не отличался от шелеста ветра в сухом кустарнике.

Я молча кивнул вперёд, указывая на едва заметное, дрожащее в ночном мареве зарево за тёмной грядой холмов.

— Пойдём дальше, придерживаясь этой низины. Держись строго за мной, дистанция в два шага, и не высовывайся на гребнях, чтобы не стать мишенью на фоне неба.

— Если ты вдруг не заметил, босс, я по всем вашим человеческим понятиям — существо уродское, — беззлобно, но с горькой усмешкой буркнул он, проверяя оружие. — Я коротышка, недомерок... Но в этом и моё преимущество. Мой силуэт не выдаёт меня врагу, а скорее растворяет в сумерках. Будь спокоен, меня не заметят, даже если будут смотреть в упор.

— В таком случае не делай лишних движений, — отрезал я, пресекая этот разговор, чтобы не дать ему скатиться в ненужную рефлексию. — Просто стань частью этого пейзажа, слейся с грязью.

— Угу... Это я умею лучше всего... босс, — фыркнул Чор,

подтверждая, что приказ принят к исполнению.

Отозвав «Аспект», мы двинулись по извилистому распадку. Ноги вязли, но мы шли быстро. По пути Чор, мой верный спутник, несколько раз вскидывал свой АКГ-12, и каждый раз сухой, едва слышный хлопок ставил точку в чьей-то жизни. Урги, засевшие в «секретах», падали мешками с костями, так и не успев понять, что их вахта окончена навсегда — никто ничего не услышал, никто не поднял тревоги. Мы добрались до границы вражеского лагеря, оставшись абсолютно невидимыми тенями.

Замерев за линией патрулей, мы залегли, вжимаясь в мокрую землю. Я внимательно всмотрелся в расположение противника: здесь не наблюдалось ни частокола, ни рва, ни даже простейшего земляного вала, хотя любой, кто обладает хоть зачатками тактического мышления, озаботился бы возведением минимальных укреплений. Что это было — беспросветная глупость или преступная, граничащая с безумием беспечность? Выходило, что сейчас с тыла можно было подогнать хоть тяжёлую панцирную роту, хоть целый Легион и безжалостно ударить в незащищённый мягкий бок вражеской армии.

Настало время действовать по-настоящему. Пора было активировать некротическую связку.

Я остановился и открыл Скрижаль, найдя Руну Некроэмиссара, выбрал и активировал её.

Обычная Руна-Существо серебряного качества. Внутри

заключён некрос среднего серебряного ранга, который умеет управлять другими некросами в приличном радиусе, объединяя и координируя с полсотни некросов ниже себя рангом. Ясно, что он имел «элементарный разум» и способен на простые тактические решения. И казалось бы, что может пойти не так?

Но не так могло пойти что угодно. Некроэмиссар не ждал приказов, а действовал, как воплощённая смерть в броне. После убийств он тут же способен поднимать убитых. Просто после очередного удара он лениво взмахивал свободной рукой, и часть только что убитых дёргается и поднимается, уже с холодным голодом в пустых глазах. Даже в одиночку это некросущество было опасно. В прошлый призыв некроэмиссар почти убедил меня пройти некротрансформацию. Так что он не просто «опасен», а чрезвычайно опасен. В том числе и для своего владельца.

Воздух передо мной загустел и почернел, как будто в пространство вылили вязкую ночь, в которой начало формироваться нечто вроде сгустка тьмы, и из него шагнула трёхметровая фигура с огромным двуручным мечом на плече.

Доспехи смотрелись потрёпанными и помятыми, по цвету ближе всего к ржавчине. Пустые глазницы, из которых сочился тусклый фиолетовый свет, безошибочно нашли меня. Мёртвый гигант вперился в меня взглядом.

Ответная реакция не заставила себя ждать. Руна отозвалась мгновенно, и так же мгновенно ударила в меня мощной

обратной волной.

Псионическое давление на этот раз оказалось чудовищно тяжёлым и всепроникающим. Ощущение было такое, словно мне на голову внезапно натянули мокрый мешок, в котором неделю таскали по жаре Кровавой Пустоши гниущее мясо, и начали медленно, с садистским наслаждением затягивать горловину на шее, отрезая меня от света, звуков и воздуха. Сердце в груди сжалось в болезненный комок, дыхание перехватило, а в висках гулко и страшно застучал тяжелый молот, отсчитывая удары неведомого таймера. Уголки рта против моей воли поползли вверх, обнажая зубы в жутком оскале, но это не было улыбкой. Скорей уж гримасой боли и ярости.

Я скалился, неосознанно повинаясь древней, животной реакции организма на грубое вторжение чужой, враждебной воли. Каждая клетка моего тела приготовилась к борьбе не на жизнь, а на смерть.

Некроэмиссар и в прошлый раз не приходил как смиренный помощник. Сейчас же мёртвая тварь явилась вовсе не как слуга, готовый исполнять приказы, а как полноправный хозяин, наглый претендент на трон в моём разуме. Его присутствие — ледяное, бездушное, бесконечно алчное — попыталось сходу занять внутри меня центральное место, ту сакральную «точку сборки» личности, которую я не отдавал никому и никогда, даже под пытками.

Я с трудом вытолкнул воздух из лёгких, и Чор, находившийся рядом, внезапно замер, будто наткнулся в темноте на

невидимую бетонную стену. Его звериное чутьё сработало безотказно. Зоргх сразу понял — что-то пошло не по плану.

— Босс, — прошептал он, и в его всегда чуть ироничном голосе впервые за всю эту бесконечную ночь прозвучала неприкрытая, холодящая кровь тревога. — Ты сейчас... ты в порядке?

— Помолчи... — с невероятным усилием выдавил я.

Слово вышло ровным, плоским, лишённым всяких эмоциональных колебаний. Это было хорошо. Значит, я всё ещё контролирую речевой центр, язык всё ещё повинуется мне.

Я закрыл глаза всего на долю секунды и одним резким, безжалостным внутренним движением отрезал все свои эмоции, словно хирург, ампутирующий гангренозную конечность. Не полностью — превратиться в бесчувственного болвана значило бы проиграть, добровольно отдать себя на милость этой твари. Мне не нужны были логичные, но мёртвые решения трупа. Он был призван как инструмент, послушный и лишённый воли, и должен оставаться таковым. Я создал внутри себя простую, чёткую, как выстрел, команду и буквально выгравировал её на внутренней стороне черепа: Не пускать. Не вступать ни в какие торги.

Ментальный Барьер мгновенно встал вокруг моего испуганного «я», подобно гладкой зеркальной стене, не имеющей ни единой трещины. Навык Закрытого Разума сработал как титановый замок на двери банковского хранилища. Некро-эмиссар ударил снова, но на этот раз он действовал умнее,

тоньше, изощрённое. Теперь он не ломился в лоб, как таран, а начал подсовывать мне свои мысли — тихие, вкрадчивые, похожие на мои собственные усталые размышления: «Проще уступить. Так будет легче для всех. Ты ведь так смертельно устал. Ты совсем один в этой тьме. Зачем бороться? Отдохни, приляг...»

Это была плохая, предсказуемая попытка, похожая на дешёвый трюк уличного мошенника. Я слышал подобные упаднические речи тысячи раз — от выгоревших союзников, от малодушных советников, от собственного измождённого отражения в зеркале по утрам. Теперь те же самые слова, но лишённые души и жалости, шептал мне в уши мертвец. Он напоминал назойливого родственника, который приехал погостить на денёк, но уже через час начал переклеивать обои и продавать твою мебель, уверяя, что так будет уютнее.

Я вдохнул полной грудью, преодолевая чудовищное давление, и ноздри мои жадно поймали запах — аромат сырой земли, мокрой гниющей листвы, горьковатого дыма дальних костров. Этот грубый, настоящий запах стал моим якорем. Он принадлежал миру живых, миру реальному и осязаемому.

— Ты мне не хозяин, тварь, — произнёс я почти беззвучно, одними губами. — Здесь командую я.

Все скопившееся псионическое напряжение я направил внутрь себя, туда, где бушевала и ворочалась чужая воля. В ответ меня окатило волной ледяной и бесконечной косми-

ческой злобы. Это была злоба совершенно чуждая человеческому пониманию — в ней не было ни горячей ненависти, ни жажды мести, только бесконечный, пустой голод чёрной дыры, желавшей поглотить всё тёплое и живое.

Я снова, но уже чисто физическим нажатием на серебряную шляпку Стигмата, раскрыл интерфейс Скрижали перед собой. Мои пальцы не дрожали — я отрешённо наблюдал за ними со стороны, и это тоже было важнейшим маркером моего состояния. Если начинают дрожать руки, значит, дрожит и дух, а это первый и самый верный показатель того, что ты уже проигрываешь битву за свою душу. Я нашёл другую руну — «Огненный Пилум» — и выбрал её, но не стал её активировать, просто приготовил, вывел на первый план, продемонстрировал твари её холодную, совершенную геометрию уничтожения. Так в интеллигентном разговоре один из собеседников молча кладёт на стол взведённый револьвер, когда слова уже исчерпаны и дипломатия бессильна.

Некроэмиссар почувствовал это. Давление на мой рассудок на миг ослабло, отхлынуло, как волна от берега. Он не отступил окончательно, но этот жест заставил его замереть, оценивая новую угрозу и цинично взвешивая риски своего небытия.

Воспользовавшись заминкой, я нажал ещё. На этот раз я действовал даже не силой воли, а грубым, таранным напором чистой псионической мощи, транслируя недвусмысленный приказ, в котором не осталось ни малейшего места для

разночтений или интерпретаций.

— Служить, — проговорил я внутри себя, и каждое слово было твёрдым и прозрачным, как огранённый алмаз. — Подчиняться. Это не предложение о сотрудничестве. Это приказ. Подчинись, тварь.

Он попытался вывернуться, ускользнуть, как скользкий угорь. Попытался сделать так, чтобы сам факт моего приказа стал моей слабостью, доказательством моей нужды в нём. Он хотел, чтобы я начал сомневаться в необходимости его подчинения, чтобы я унизился до объяснений и попыток договориться. Я не стал этого делать.

Просто удержал приказ, сделал его единственной существующей реальностью в зоне нашего ментального противостояния. И, чтобы окончательно забить гвоздь в крышку гроба его амбиций, я добавил простую и страшную вещь, которую понимают даже самые безумные из древних сущностей:

— Иначе я сотру тебя из реальности. До последней искры. До полного, абсолютного небытия. Выбор за тобой.

Внутренняя тишина сгустилась и стала плотной, словно остывающая смола, залившая все трещины души. Я замер, вслушиваясь в эту глухоту, пока в ней вдруг не хрустнуло.

Некроэмиссар перестал сопротивляться. Он опустился на дно моего сознания не покорным союзником и уж тем более не другом, готовым подставить плечо. Скорее это было сродни смирению цепного пса, на которого наконец-то натянули узкий намордник, строгий ошейник и взяли на короткий по-

водок. Он стал орудием — холодным, скользким, но согласившимся с тем, что рукоять отныне лежит в чужой ладони, и держу я его крепко.

Я с усилием разлепил веки, прогоняя липкий морок. Мир, качнувшись, медленно вернулся в фокус, обретая четкость и объём. Лагерь Орды, раскинувшийся внизу, теперь казался пугающе близким — я различал не просто скопление огней, а отдельные, трепещущие на ветру полотнища палаток, сгорбленные силуэты у костров. Тени в долине двигались хаотично, но то были тени живых — усталых, продрогших, ничего не подозревающих существ, чьи сердца всё ещё гнали горячую кровь по венам.

Чор лежал чуть поодаль, на тенистом склоне, сливаясь с землёй так, что заметить его можно было, лишь точно зная, куда смотреть. Он глядел на меня снизу вверх, и в этом взгляде не читалось вопросов. Зоргх не спрашивал, что произошло в те секунды, когда я провалился в бездну, не интересовался, справился ли я или окончательно потерял рассудок. Он просто ждал. И в этом тяжёлом, угрюмом ожидании, лишённом суетливого любопытства, мне почудился самый верный знак, какой только мог подать этот мой самый необычный спутник.

— Всё в порядке, — произнёс я и с удовлетворением отметил, что голос мой звучит сухо и привычно, будто и не было никакой борьбы. — Работаем дальше.

Теперь, когда контроль над чуждой сущностью был уста-

новлен, а воля моя затвердела, как застывающий металл в форме, я приступил к настоящему делу. Сперва я призвал Теневого Стража — бесформенный сгусток мрака, который пополз в сторону вражеского становища, стелясь по жухлой траве. Следом за ним я вызвал Теневых Отродий — тварей помельче, юрких и злых, идеально подходящих для того, чтобы посеять смуту. И, наконец, мысленным усилием приказал Некроэмиссару, стянуть всех их в единую послушную сеть. Мир вокруг нас мгновенно остыл, но не от ветра, а оттого, что само тепло жизни, казалось, брезгливо отшатнулось от этого места. Далёкий дым ордынских костров, принесённый порывом воздуха, перестал казаться хоть сколько-нибудь уютным или человеческим. Теперь в нём ощущался лишь аромат погребального пламени.

Именно в этот миг Некроэмиссар явил свою истинную суть, оправдывая тот чудовищный риск, на который я пошёл. Он не просто сидел в моей голове угрюмым пленником, а превратился в узел связи, что-то вроде разумного усилителя и неидеального, но пока послушного проводника моей воли. Я протянул через него нити управления к тем полуразумным порождениям смерти, которых призвал из небытия, и физически ощутил, как они замерли, прислушиваясь. Ни рычания, ни скудной, животной инициативы — лишь звенящая готовность исполнить любой приказ, даже если он поведёт их на окончательную гибель.

Сформулированная задача была чёткой и безжалостной,

как надпись на могильном камне. Не убивать ради упоения кровью, не сеять слепую, бессмысленную панику. Нам нужно было иное. Создать направленный, управляемый шум именно там, где, по нашим расчётам, располагался командный пункт — мозг этого хаотичного, дурно пахнущего скопления тел. Сорвать покровы тишины, взвинтить нервы до предела, выманить на свет тех, кто привык отсиживаться в безопасной глубине тыла, прикрываясь мясом простых рубак.

Чор, пригнувшись, бесшумно подполз ближе. В неверном полумраке его лицо казалось высеченным из камня — серьёзное, собранное, лишённое даже тени той кривой, циничной ухмылки, что обычно блуждала на его губах.

— Ты выпустил своих... тварей? — прошептал он, и в этом тихом шёпоте мне послышалась странная смесь безразличности, смешанной с холодным, почти научным любопытством патологоанатома. — Пора?

— Да, — коротко отозвался я, не отрывая взгляда от кромки света внизу, где уже начинала шевелиться вызванная мною тьма. — Работай быстро и чисто. Твоя задача — искать Восходящих и тех кто отдаёт приказы. Тех, кого охраняют даже в этой давке. Убей их как можно больше пока некрошества устраивают бардак.

— Понял... — кивнул Чор.

Это не было безоговорочное согласие с планом действий и не попытка подыграть мне, а тяжёлое, молчаливое принятие неизбежного, в котором я без труда прочитал его отношение к некротическим Рунам, и от этого сделалось чуть досаднее, чем хотелось бы признавать. Зоргху не нравилось, что я снова лезу в эту грязь, и мне самому от одного воспоминания о холодном присутствии Некроэмиссара хотелось сплунуть, но война редко предлагает чистые инструменты, а сейчас мне нужна была именно такая, липкая и противная, но эффективная хирургия.

Мы двинулись вперёд, прячась в густой тени у края высохшего русла, тянувшегося через лагерь, как застарелый шрам на теле земли, и я держал некротических созданий на коротком, жёстком ментальном поводке, выпуская их впереди нас узким клином, похожим на невидимое лезвие отравленного ножа. Они шли быстро и низко, прижимаясь к земле, обтекая пятна света от костров так, будто сами знали границу, за которой их можно заметить, и всякий раз, когда огонь лизнул тьму чуть дальше обычного, я ощущал, как они машинально уходят в сторону, словно привязаны ко мне нитями невидимой паутины.

Орда, занятая своим ночным бытом, поначалу ничего не

заметила. Треск дров, ругань у котлов, смех, тяжёлые шаги, бряцание железа создавали плотную, самодовольную атмосферу, в которой опасность кажется невозможной, пока не вцепится в горло. Первый крик разорвал её без предупреждения, и это был не боевой рык и не вызов, а жалкий, животный вопль боли и ужаса, после которого тишина не вернулась, потому что за ним поднялся второй голос, затем третий, и всё это понеслось по лагерю быстрее лесного пожара, цепляясь за оголённые нервы, раздувая искру тревоги в ревущее пламя.

У ближайшего костра урги вскочили почти одновременно, и даже в прыгающем свете было видно, насколько они коренасты и бугристы, будто кто-то лепил их из грубого камня, а потом влил изрядную порцию злости, чем и оживил. Грубые лапы потянулись к топорам и дубинам, один из них рванул с пояса рог, и над долиной поплыл протяжный, надрывный хрип, похожий на вой раненого зверя, которому почти сразу ответили ещё два рога с другой стороны лагеря. Свет дрогнул, факелы поднялись выше, и я увидел, как они начинают освещать прежде всего самих себя, показывая врагу лица и силуэты, потому что страх всегда заставляет и человека, и урга делать глупости.

Некросы к этому времени уже вошли в самую гущу врагов, и во всю резвились в мягком подбрюшьи врага, и работали так, как умеет только бесстрастный инструмент. Ни рычания, ни крика, ни лишнего движения. Движение, захват,

удар. Тело падает. Секунда. Чужая смерть становится сырьём, и уже часть убитых дёргается, поднимаясь с пустыми глазами, в которых нет ни страха, ни сомнений, только холодный голод и чужая воля. Урги валились один за другим, а вместе с ними сыпалась и дисциплина, та хрупкая нить, которая держала этот разношёрстный сброд в кулаке. Мне не нужна была банальная резня. Нужен был точный удар по нервному узлу, который бы заставил бы огромный организм сжаться от боли, парализовал бы волю и сломил управление, пока остальное тело мечется и не понимает, где голова.

Я призвал Аспект, вскочил ему на спину и дал ментальный приказ на подъём.

Существо откликнулось сухим шелестом расправляемых крыльев, и мы поднялись невысоко, ровно настолько, чтобы лагерь раскрылся подо мной, как грязная, изъеденная язвами ладонь, по которой отчётливо читались линии палаток, запутанные тропы, скопления повозок и тёмные пятна, где держали животных. С высоты бессмысленный хаос вдруг обретал форму, и от этого становилось не легче, а только неприятнее, потому что там, где есть форма, есть и мозг, а значит, скоро нам ответят. И хорошо бы мне и Чору убраться до того, как урги сообразят что к чему.

Комач остался внизу. Я ощущал его через тусклый, но устойчивый импульс ментальной связи, как холодную неподвижную точку посреди кипящего шума, и это спокойствие было профессиональным, выверенным до жестокости. Он

выбрал место в глубокой тени у полуразрушенной каменной глыбы, откуда видел центральную аллею и мог уйти назад по заранее найденной складке местности, если всё рассыплется.

— Вижу цель... — коротко прозвучал его голос у меня в голове.

Я перевёл взгляд туда, где держался его фокус, и в центре лагеря заметил группу, которая не бежала и не металась. Они шли ровно, будто вокруг не клекотала паника, и их тёмная, отполированная броня отражала костры. В руках у них были длинные изогнутые посохи. Вокруг двигались два кольца охраны, и разница между ними бросалась в глаза даже сверху. Внешние орали, отталкивали толпу, размахивали оружием, внутренние молчали и шагали так, словно отрабатывают упражнение, а глаза под забралами сканируют темноту с безэмоциональной привычкой выживших.

— Начиная снимать тех, кто с посохами, — передал я, выделяя одну фигуру и удерживая её в поле внимания, чтобы мы оба говорили об одном и том же. — Сколько успеешь, пока не разбежались и не попрятались.

— Принял... — отозвался Чор без паузы.

Внизу стоял такой гул, что его выстрелы растворялись в общем гвалте. Одна из фигур в отполированной броне дёрнулась, будто споткнулась о невидимый камень, сделала неловкий шаг, опустилась на колени, затем села, как уставший путник, и только потом медленно завалилась на бок. Охрана вокруг застыла на долю секунды, и это было заметно

по тому, как нарушился их ровный шаг, потому что они искали стрелу, магию, удар, не понимая, что смерть пришла из темноты и с дистанции, которую им сейчас трудно охватить.

— Вторая цель, — передал я, уже видя, как другой носитель посоха поворачивает голову к упавшему. — Не тяни, пока не очухались.

— Уже, — сухо ответил Чор.

Ещё одна фигура сложилась, будто у неё внезапно вынули позвоночник из тела. Теперь внутренняя уверенность кольца дрогнула. Восходящие замерли и сбились плотнее, подняли посохи, и вокруг некоторых вспыхнули слабые барьеры, а внешнее кольцо окончательно потеряло строй. Урги метались, выдёргивали факелы из земли, размахивали ими, пытаясь поймать в свет врага, и этим только демаскировали себя и подсвечивали своих товарищей так старательно, что мне хотелось усмехнуться, если бы не было бы так мерзко.

— Хорошо, — отметил я, не давая себе расслабиться. — Дальше работай по тем, кто вылезет и начнёт собирать их обратно. Потом отходи. Без героизма.

— Босс, ты меня прямо обижаешь, — в его голосе мелькнула знакомая ирония, приглушённая концентрацией. — Я не жадный. Я экономный.

Я уже заходил на группу с воздуха, удерживая Аспект ровно, чтобы не сорваться в лишний вираж, и бросил вниз усиленную рунную термобарическую гранату.

— Сейчас шарахнет, — предупредил я. — Закрой глаза

ладонью.

— Люблю, когда ты о маленьком контрабандисте заботишься, босс...

Вспышка ударила так, что лагерь на миг стал плоским и белым, и грибовидное облако поднялось вверх, разбрасывая по сторонам жар и пыль. В этой короткой ясности я успел выхватить взглядом ещё одну организованную группу, которая двигалась в стороне от основного месива, и не стал упускать время. Ледяная Звезда ушла вниз первой, оставляя за собой холодный след в воздухе, а следом я отправил Огненный Пилум, и там, где они легли, свет костров задёргался, как умирающий.

Ответ лагерь нашёл быстро. Из-за повозок вывели тауро, массивных белых тварей, и урги, привыкшие к седлу, запрыгивали на них с отработанной ловкостью, перекрикиваясь хрипло и деловито. У них ещё не было точных координат, они не видели стрелка, но поняли главное. Командный состав выбивают планомерно и методично, и это не случайная драка у костра. Отряды начали расходиться веером, отсекая подходы и отходы, прочёсывая лагерь сектор за сектором, и в этой примитивной, но рабочей логике было что-то неприятно человеческое.

В холодном углу моего сознания, где сидел на цепи Некро-эмиссар, шевельнулось ледяное присутствие умертвия, похожее на щелчок по оголённым нервам. Он не рвался наружу и не угрожал, он просто тянул, чувствуя разлитую смерть и

хаос, предлагая больше, глубже, окончательно погрузиться в пир смерти и мне. В его природе не было “достаточно”. Было только “пока ещё есть, что ломать”.

Я затянул узел приказа, сделав его тугим и неприятным. Не сегодня.

Сегодня ты инструмент.

Некросы продолжали двигаться исполняя мои задачи, и я ощущал это так, будто протягиваю нити через холодный узел связи. Они ушли дальше, туда, где теснились тыловые ряды, повозки с припасами, ящики с болтами для арбалетов, связки запасных штурмовых лестниц. Там было тесно, там пахло жиром, потом и мешковиной, там люди и урги всегда верят, что они в безопасности, потому что до них “не должно дойти”. Некросам было всё равно. Урги, чинившие сбрую и мешавшие похлёбку, сначала не понимали, что их режут, а потом понимали это, но было уже слишком поздно.

Опрокинутая жаровня расплескала угли. Факел ткнулся в сухую траву. Огонь подхватил дерево, добавляя в схему ещё одну переменную, которую трудно контролировать, зато легко использовать, если ты заранее закладывал хаос.

Чор дал ещё несколько выстрелов и замолчал, и его присутствие в связи стало плотнее, напряжённее, как сжатая пружина.

— Что? — спросил я, удерживая Аспект над линией движения тауро, чтобы видеть картину целиком.

— Ищут активнее, — ответил он. — Разбились на мелкие.

Сеть густеет. Если так пойдёт, меня нащупают методом тыка. И очень скоро.

Сверху это было видно особенно ясно. Тауро, которые секунду назад метались, теперь шли почти по правилам, закрывая вероятные направления отхода, и от этого стало по-настоящему опасно, потому что примитивная тактика работает безотказнее всего.

В воздухе левее нас вспыхнуло заклинание. Не огонь и не молния, а что-то совсем уж экзотическое. С земли поднялся сгусток тёмной, плотной субстанции, похожей на грязную маслянистую воду, достиг апогея и лопнул, рассыпавшись сотнями липких шипящих капель, которые гасли ещё до земли. Это не было нападением. Это было обозначением безопасного сектора. Они начали прощупывать небо.

— Чор, уходим, — передал я, уже закладывая вираж на снижение. — Прямо сейчас.

— Рано, босс. Я тут ещё одного такого на примете держу, — в голосе прозвучал азарт охотника, которому жалко отпустить добычу.

— Уходим, — повторил я, вдавливая приказ в связь так, чтобы он не стал обсуждать мои решения. — Это приказ.

Пауза вышла короткой, но густой, как вязкая кровь, которая никак не решит, свернуться ей или течь дальше.

— Принял, босс, — наконец отозвался он плоско и послушно.

Я ощутил, как он отрывается от камня и уходит рывка-

ми, используя каждый бугор и каждую впадину. Он двигался быстро, почти бесшумно, но снизу уже донёсся тяжёлый топот, и один из отрядов на тауро вдруг сменил хаотичную траекторию на прямую. Они ещё не видели его, но они закрывали его направление.

— Быстрее, — сказал я, бросая Аспект в пике.

— Бегу, — сдавленно отозвался Чор. — Ноги бы мне подлиннее, босс, но ты же мне их, как и обещанного счастья, не выдал. Всё этому пижону Локи досталось...

Со стороны лагеря хлестнуло прицельное заклинание, плеть жгучего зеленоватого пламени, и оно прошло так близко от крыла Аспекта, что воздух на секунду стал едким. На плотной чешуе не осталось следа, но через связь мне ударило его раздражённой болью, и существо дёрнулось.

— Держись! — выкрикнул я вслух, хотя понимал, что Чор не услышит, и вцепился в стремяна, удерживая равновесие не столько телом, сколько волей.

Земля рванулась навстречу. Ветер выл в ушах, выжимая слёзы. Я выхватил Чора из мелькающего пейзажа. Он был уже близко к условному рубежу, но между нами, буквально в нескольких десятках метров, из-за поворота оврага выскакивал передовой всадник на тауро, и ещё секунда отделяла его от прямой видимости.

Аспект лёг на крыло всего в паре метров над поверхностью. Его лапы с растопыренными когтями были готовы схватить небольшого зоргха.

— Прыгай! — проревел я, целясь из Десницы в урга.

Чор прыгнул красиво и зло, оттолкнувшись так, как прыгает загнанный зверь, и полетел вперёд в пустоту. Аспект сделал короткий бросок. Лапа подхватила зоргха за ремни разгрузки и край куртки без нежности и плавности, просто выполняя поставленную задачу, и я даже не захотел, чтобы было исполнено как-то иначе, потому что плавность стоит времени.

Выстрел из Десницы заложил уши. Ург на тауро дёрнулся и завалился набок, уводя животное в сторону. Снизу ударили первые выстрелы и просвистели стрелы. Они звякнули по чешуе Аспекта, оставив только короткую вибрацию, от которой у меня внутри неприятно сжалось, и существо ответило низким клекочущим криком, который не был слышен чужим ухом, а прошёл через ментальную связь.

— Подъём, — приказал я.

Мы рванули вверх. Лагерь сжался, стал игрушечным, но всё равно оставался опасным. Нас в тёмном небе пытались нащупать брошенными заклинаниями и выстрелами. Рога звучали как разъярённый гул потревоженного улья. Всадники на тауро метались по полю, уже понимая, что добыча уходит туда, куда они не достанут.

Чор висел в лапах гиппоптера, держась одной рукой за ремень и прикрывая другой голову, и ругался усталым, отрывистым шёпотом.

— Удобненькая у тебя, босс, эвакуация... — выдавил он,

когда мы выравнивали полёт. — Прямо всем сервисам сервис...

— Помолчи, — оборвал я, проверяя состояние Аспекта по связи и по собственным ощущениям. — Просто дыши глубже..

Мы уходили в тёмную низину на бреющем, оставляя за спиной очаг хаоса. Некротические существа ещё продолжали работу на периферии, и я чувствовал, как Некроэмиссар напрягается, пытаясь удержать их, продлить их существование, развернуть отвлекающий манёвр в тотальную бойню, потому что для него это выглядит логичным продолжением. Раз начал, значит, добивай до конца.

Я обрубил канал резко, без сожаления.

Назад. Всё. Концерт окончен.

Тени на краю ментального восприятия дрогнули и начали таять. Но не все сразу. Некоторые цеплялись за вкус страха и крови, и Некроэмиссар сделал короткую паузу, как цепной маблан, проверяющий, насколько крепко держат поводок. Я выдержал. Он подтянул остатки порождений, свернул их в небытие, и сопротивление ушло, оставив после себя холодную усталость где-то у основания черепа, будто мне в голову налили тяжёлого свинца.

Стена выросла перед нами внезапно, чёрная и неподвижная, и на её зубцах мелькали фонари и факелы наших часовых, похожие на крошечных светлячков. Я снизил высоту и повёл Аспект почти впритирку к камню, пряча силуэт от тех,

кто мог бы смотреть снаружи, и мы перелетели через стену так тихо, насколько вообще может быть тихим полёт такого тяжёлого существа, как Стальной Гиппоптер.

Вражеские костры остались по ту сторону. Это уже было победой, пусть и не той, которую можно праздновать.

Аспект тяжело опустился во внутренний дворик одного из бастионов. Лапы мягко ступили на утоптанную землю. Чор разжал пальцы и упал на ноги, приседая для амортизации. Некрасиво, зато без травмы. Первым делом он проверил оружие. Щелчок затвора, быстрый взгляд на магазин, короткое движение, привычное до автоматизма. Потом поднял на меня глаза, в которых отражались далёкие факелы. Ни восторга, ни благодарности. Только усталость и пустота, которая приходит после того, как адреналин отступает, оставляя в теле глухую тяжесть.

— Я снял около тридцати, — сказал он отчётливо. — Может, сорок. После тридцати уже не считал. Один упал странно, мог уползти. Но не меньше тридцати, это точно.

— Достаточно, — ответил я, сползая со спины Аспекта и проводя ладонью по его горячей вздрагивающей чешуе.

Существо глухо заурчало, принимая прикосновение, и в этом урчании было больше живого, чем мне хотелось сегодня чувствовать.

— На сегодня более чем достаточно.

Чор усмехнулся, уставшая усмешка вышла кривой и почти злой.

— Ты это кому говоришь? Мне? Или своему новому мёртвому приятелю, который теперь у тебя в Скрижали квартирует? — он ткнул пальцем в свой гвоздь.

— Себе... — ответил я, глядя на тёмные окна казарм.

Чор потёр шею, где ремень оставил красную ссадину, и поморщился, будто от простого прикосновения ему хотелось выругаться вслух.

— Тогда расклад простой, — сказал он и выдохнул так, словно снимает с груди камень. — Ты мне должен ужин. С мясом. Не этой рыбой, а нормальный ужин с шашлычком. И ещё ты должен один раз, внятно и без твоих философских загибов объяснить, зачем мы вообще этим занимаемся. Потому что сейчас это выглядит так, будто мы по ночам шныряем и щёлкаем командиров ихних, а смысл всё тоньше, как верёвка, которую уже перетёрли.

Небо над городом висело серой тяжёлой массой, словно его выстирали в грязной воде и забыли прополоскать, а потом вывесили сушиться прямо над крышами, и теперь оно капало сыростью на камни и на нервы. «Золотой Дрейк» застыл в этой мути занозой, упрямой и раздражающей. Серебристые паруса были стянуты в тугие рулоны, снасти натянуты до звона, как жилы на шее у того, кто держится из последних сил, когда силы уже закончились, но морально-волевые не позволяют сдаться. Корабль почти не двигался, привязанный к земле якорными цепями. Соболь поставил «Дрейка» на якорь в Гранитном Форте, и от этого мне было спокойнее ровно на одну треть. Остальные две трети спокойствия давно списали в расход вместе с очередной партией тех, кто вчера ещё шутил у костра и грел руки над огнём.

Я смотрел на него снизу, с балкона собственного особняка, щурясь от порывистого ветра, забивавшего пыль в глаза, и думал о том, сколько смерти помещалось в его чреве. По самым скромным расчётам выходило весьма внушительно. Один «Дрейк», вооружённый как положено, мог за пару часов сделать с Ордой больше нехорошего, чем мы успели выжать из себя за кровавый бой у Лагуны, где драться пришлось за каждый метр переправы. Если же вспомнить, что Соболев заменил привычную артиллерию скорострельными

гаусс-пушками, перебрал системы наведения, а в его личном наборе, в ячейке Скрижали, теперь лежала Руна Испепелителя — штука, способная выжечь квартал дотла одним выстрелом... Такой комплект выглядел заявкой на победу, если смотреть издалека и верить в красивые слова, которые пишут в победных реляциях. Вблизи, на поле боя, пропахшем гарью, всплывала банальная проблема, о которой в штабах предпочитают не думать. Воздушный корабль оставался нашим последним средством эвакуации и единственной надёжной ниткой, связывавшей город с промышленными запасами форпоста и возможностью отступления для «Красной Роты», если стены падут. Потеряем «Дрейка» — и останемся заперты в каменном мешке один на один с Ордой. Такие расклады я уже видел, и возвращаться в них не хотел.

Я слишком хорошо помнил, как легко в таких расчётах пропустить одну единственную мелочь, которая потом переворачивает всё. Вчерашняя ночная вылазка меня только в этом утвердила. Стоило одному ургу поднять рог в нужный момент, и план начинал трещать по швам. Стоило одному Восходящему нас засечь и мы с Чором числились бы уже в списках потерь. «Золотой Дрейк» был той самой мелочью наоборот. Он закрывал собой целое окно возможностей, давал нам пространство для манёвра, которого у пехоты просто нет. Поэтому трогать его без крайней необходимости значило снимать чеку с гранаты и кидать её себе под ноги, чтобы проверить, работает ли механизм. Я не был готов к такому

эксперименту. По крайней мере не сегодня.

Я сжал зубы, прислушиваясь к телу. Оно напоминало о прошедшей ночи тупой ломотой в мышцах и тяжестью в затылке, где всё ещё лежал холодный липкий след от поводка Некроэмиссара, от которого до сих пор слегка подташнивало. Хотелось сделать вид, что вчера не было той отчаянной борьбы в собственной голове, не было ледяных пальцев, скребущих по извилинам, и что за стеной не горели костры Орды, на которых они, возможно, жарили мясо наших. Но мир, в котором мы жили, не думал уважать мои желания. Переломить это можно было только изменив баланс сил, который сегодня склонялся в нашу сторону, а завтра мог качнуться обратно.

За ухом, под спутанными волосами, прилипла холодная и гладкая золотая монетка вокс-передатчика. Я коснулся её ногтем, активируя канал связи, и несколько секунд просто слушал лёгкий шум эфира, похожий на далёкое шуршание песка в сухой бутылке, которую зарыли в пустыне много лет назад.

— Соболев, приём, — сказал я ровно, стараясь не пустить в голос ни накопившуюся за ночь усталость, ни глухое раздражение, которое просыпалось вместе с каждым новым рассветом. — Есть разговор. Я поднимусь к тебе в первой половине древодня? Ты сейчас на борту?

Ответ пришёл почти мгновенно, словно он только и ждал вызова, сидя в кресле и глядя на те же тучи, что и я.

— На связи, Кир. Я сейчас на «Золотом Дрейке», никуда пока не собирался. Ждал, когда проснёшься...

Голос Алексея звучал спокойно, слишком спокойно.

Я знал эту интонацию до мельчайших нюансов. Внутри у него сейчас ходила буря, и чем злее она становилась, тем ровнее выходили слова, словно он закручивал гайку на собственном гневе до упора, чтобы ничего не сорвало резьбу в самый неподходящий момент.

— Подходи когда тебе будет удобно, я до вечера под разгрузкой. Буду на месте.

— Мне доложили, что вас по пути потрепали, — и спросил без предисловий. — Потери есть?

— Да. Один насмерть, двое тяжелых, ещё трое легкораненых, — в его голосе мелькнула едва уловимая пауза, словно он перелистывал страницу мысленного отчёта. — Расчёт корректировщиков выбило полностью. Осколками. Прямое попадание...

— Руна?

— Скорее всего. Дальность и точность не оставляют сомнений. У них там, на той стороне, сидит кто-то с хорошим глазомером. Не думаю, что это вождь или шаман. Похоже, что этот кто-то всерьёз учился воевать по-настоящему.

Я сбросил связь, не прощаясь, и ещё раз посмотрел на корабль. На палубе мелькали фигуры в тёмной форме, похожие на муравьёв, суесящихся вокруг разрушенного муравейника. Кран-балки поднимали ящики, лебёдки стонали, канаты

скрипели под тяжестью груза. Жизнь продолжала работать, как заводской конвейер, только вместо товара на выходе получались похоронки, а люди, стоящие у станков смеялись, перекрикивались, матерились и старательно делали вид, что этого не замечают.

Порыв ветра принёс запах дыма и мокрого камня, смешанный с тошнотворной сладостью от близкой бойни. Я развернулся и ушёл с балкона, оставив небо капать на пустые карнизы и блестящие каменные плиты набережной.

Внутри особняка было теплее. Коридоры пахли камнедеревом, которым были обшиты стены, прогорклым жиром из кухни и едким запахом лекарств, которые Энама изготавлила из водорослей в огромных количествах с утра до ночи. Война всегда приносила с собой один и тот же неизменный набор ароматов, только в приличных домах их старались маскировать, а здесь никто этим не утруждался с самого начала.

Я спустился по лестнице, стараясь ступать как можно тише. Привычка, въевшаяся в меня за время пребывания в Единстве.

В столовой уже накрыли стол для завтрака. Длинный стол, тяжёлый, как судьба провинциального магистрата, который десятилетиями тащит на горбу груз чужих проблем, был заставлен мисками с кашей, ломтями хлеба, кусочками вяленого мяса и парящими чашками с эфоко, распространяющими густой и терпкий запах. Мои жёны, сидели на привыч-

ных местах и выглядели сногсшибательно, что впрочем было их естественным, можно сказать, природным состоянием. Их присутствие одновременно раздражало — напоминанием о том, сколько у меня теперь уязвимых мест, — и удерживало меня на поверхности, не давая провалиться в холодную ярость окончательно. Они напоминали, ради чего вообще стоит держать оборону, даже когда хочется лечь на холодный камень и просто закрыть глаза, чтобы ничего больше не видеть.

Я заметил троих детей сразу, как только вошёл. Они сидели на лавке у дальней стены, ближе к кухонной двери, откуда тянуло паром и запахом топлёного масла. Отмытые, причёсанные, в чужих для них, но чистых рубашках, которые были велики и топорщились на худых плечах. Слишком тихие для утра. И тихое поведение не имела с воспитанностью ничего общего. Детишки были перепуганы. Такой тишины от ребятни можно добиться только страхом.

Энама стояла рядом с ними, накладывала кашу в глубокие миски, следила, чтобы каждый держал ложку правильно и не пытался спрятать еду в рукав или за пазуху. Делала это без лишней суеты, с аккуратным, почти хирургическим вниманием, которым занимаются ранеными, когда точно знают, что крик не поможет, а боль нужно просто перетерпеть.

Она поймала мой взгляд, скользнувший по её тонким пальцам, и улыбнулась. Только улыбка вышла слишком уж усталой, как у администратора богадельни, который уже со-

ставил список неотложных дел на сегодня и точно знает, что половина из них закончится слезами.

Дана сидела за столом, с прямой, как струна, спиной и уже листала свои записи, делая пометки на полях карандашом. Локи рядом с ней с изрядной пачкой листов, прижав углы тяжёлой кружкой, чтобы влажную бумагу не скрутило от сырости, и что-то тихо обсуждал с ней, водя пальцем по строкам. Чор устроился на самом краю стола, будто это была его личная трибуна для язвительных комментариев, и ел мясо так сосредоточенно, словно выполнял боевую задачу, от которой зависела жизнь всего отряда. Его губы блестели от жира.

— Доброе утро... — сказал я с улыбкой, и фраза прозвучала странно, будто я пытался неуклюже шутить на собственных похоронах, где все присутствующие знают правду, но вежливо делают вид, что ничего не происходит.

Ответа хором не последовало. Женщины поднимали головы по-разному, каждая в своём ритме. Дана оценила меня взглядом, проверяя на наличие новых дыр и свежей крови, и, кажется, осталась удовлетворена результатом. Лиана, сидевшая ближе к окну, позволила себе лёгкую гримасу сожаления, увидев, что я снова в той же мятой одежде и снова пахну порохом и потом, а не душистым мылом. Нейла скользнула взглядом по моим рукам, по ремням амуниции, задержалась на кобуре с «Десницей», словно отмечала про себя, где у меня сейчас слабое место, в которое можно ударить, если что. Остальные молчали, и молчание у каждой было своё,

особенное. У одной — напряжённое, как струна перед разрывом. У другой — тревожное, с прикушенной губой. У третьей — прямое, сжатое в тонкую линию.

Я подошёл к детям. Они сжались ещё сильнее, как испуганные щенки мабланов, которых уже били за то, что они вообще существуют на этом свете, и теперь они не знали, чего ждать от этого незнакомого взрослого.

— Как вас звать? — спросил я мягче, чем планировал, стараясь, чтобы голос не резанул по их натянутым нервам.

Старший, мальчишка с остриженной под горшок головой, из-под которой торчали острые кончики ушей, шевельнул губами почти беззвучно.

— Пелл... сударь.

Имя было короткое, как вздох облегчения, когда боль на секунду отпустила.

— А вы двое?

Девочка с крупными веснушками, слишком большими для её бледного, осунувшегося лица, прошептала своё имя, почти не двигая губами. Третий мальчик, самый младший, сказал что-то так тихо, что я уловил только первую букву, застрявшую в горле. Что же говорить он умел, и это очень неплохо. Нехорошо, что он перестал верить, что имеет право звучать, что его голос вообще кому-то нужен в этом мире, где правят сила и смерть.

Я выпрямился и посмотрел на Энаму.

— Ты уже начала собирать детвору?

— Да, господин мой, — ответила она спокойно. — С утра привели этих троих. Ещё четверых обещали к вечеру. Списки, кому мы сможем помочь, уже у Даны.

Означенная Дана даже не подняла головы, подтверждая слова лёгким кивком, и продолжила двигать пальцем по бумаге. Она действительно уже посчитала и поставила их на довольствие. Как бойцов «Красной Роты».

В груди кольнуло, и я поймал себя на желании сказать Энаме спасибо. Слова так и не вышли. Благодарность застряла в горле комом. Просто притянул её к себе за талию и обнял, супруга доверчиво положила мне щёку на плечо. Естественно, просто постоять обнявшись молча нам не дали.

— Сударь... — раздался робкий мальчишеский голос.

Я перевёл взгляд на мальчишку подстриженного под горшок.

— Говори, не стесняйся.

— А правда говорят, что у вас есть три редбъёрна?

Я кивнул.

— Правда, — подтвердил я. — Если будете вести себя хорошо, Энама вам их покажет. А самых послушных я покатаю на настоящем редбъёрне. Договорились?

Мальчик кивнул. Сказать ему было больше нечего, но момент был упущен. Супруга выскользнула из моих объятий и вышла в другую комнату по каким-то ведомым только ей делам.

Пока шёл к своему месту через залитую утренним светом

столовую, я боковым зрением заметил в приоткрытую дверь бокового коридора ещё одно изменение, вчера ещё не существовавшее. В пустом крыле, куда раньше не заходила даже прислуга, потому что там попросту нечего было делать, теперь стояли рядом тонкие матрасы и аккуратно сложенные стопки одеял. На широком каменном подоконнике, куда с утра падал единственный луч света, лежали кучкой детские башмачки связанные шнурками попарно. Похоже, что дом мой переставал быть только моим. Он начинал превращаться во что-то другое. В убежище. И в мирное время я бы, пожалуй, посчитал бы это вторжением, нарушением границ, за которые заплачено моей кровью. Но сейчас... Сейчас я был рад, что могу помочь обездоленной детворе. От меня не убудет.

Я сел на своё место, на тяжёлый резной стул с высокой спинкой, и взял чашку с эфоко, которую одна из супруг успела поставить, пока я задерживался у двери. Напиток был горячим и крепким, с той горькой насыщенностью, которая прочищает мозги лучше любого холодного душа. Хороший вкус, если не собираешься чувствовать ничего лишнего. Если тебе нужно только взбодриться и продолжить делать то, что должен.

Чор, не отрываясь от еды, буркнул, не поднимая головы:
— Мясо у нас сегодня, как я и заказывал. Живём богато, я считаю... Осталось только понять, сколько раз за такую роскошь надо умереть, чтобы расплатиться сполна.

— Всего один, — ответил я, отпивая глоток и чувствуя, как горечь обжигает нёбо. — В глубокой старости, в окружении красивых жён, детей, внуков и правнуков. Сейчас вперёд пропусти ургов. Постарайся не перепутать очередь.

Он с хрипотцой хмыкнул, и в этом звуке я уловил не просто насмешку над собственной шуткой, а глубоко спрятанное облегчение. Ему было важно, что я помню. Вчерашний разговор, когда он просил не про еду, а про проверку, про то, чтобы убедиться, что я ещё обычный человек. Он не просил философии, не ждал откровений, хотел иметь простую опору, за которую можно ухватиться, когда исчезает почва из-под ног. Я отметил это про себя.

Локи, сидевший напротив, взял свою кружку с остывшим эфоко, и посмотрел на меня поверх неё.

— Ты не спал, — Это был не вопрос. Констатация факта, вынесенная на обсуждение.

— Спал, — ответил я, встречая его взгляд. — Достаточно, чтобы снова ненавидеть всех одинаково и без разбора.

Уголки его губ дрогнули в невесёлой улыбке. Локи умел радоваться мелочам, особенно когда такая мелочь означала, что мир пока держится и рушится не быстрее, чем мы успеваем затыкать дыры.

Я дал всем время на еду, не торопя, давая возможность просто посидеть в тишине, которая не была наполнена грохотом. В столовой слышались только позвякивание ложек, тихий шорох бумаги, когда Дана перелистывала страницу,

и редкий скрип стула, когда кто-то менял позу. За стеной, где-то далеко, за рекой, бухнула вражеская артиллерия. Звук долетел приглушённым, но достаточно отчётливо. Один из детей, тот самый младший, что говорил шёпотом, дёрнулся всем телом, расплескав горячую кашу себе на колени. Глиняная миска с глухим стуком упала на пол и разбилась вдребезги.

Энама, снова находившаяся рядом с ним, просто накрыла его ладонь своей и сжала чуть крепче, удержав мальчика от того, чтобы вскочить и побежать. Глаза у неё были спокойными, как у человека, который давно привык, что мир вокруг взрывается, и единственное, что можно сделать, — это не дать испугаться тем, кто меньше тебя.

— Ничего, — сказала она тихо, почти не разжимая губ.
— Ешь. Всё уже нормально. Я сейчас ещё принесу.

Я посмотрел на этот жест и отчётливо понял, что свой наказ она восприняла буквально. Как самую важную сейчас работу. Всё таки она у меня славная...

Когда завтрак был почти закончен, я отложил вилку на белую салфетку и сказал то, ради чего, собственно, и задержался сегодня дома с ними всеми.

— Сегодня мы полетим в Храм Вечности.

Ложки замерли на полпути ко ртам. Даже Чор перестал жевать на пару секунд, что у него случалось крайне редко и обычно сопровождалось форс-мажором вроде прямого попадания в соседнюю стену.

— Зачем? — спросила Дана сразу, не пряча деловой тон, от которого у неё, кажется, даже голос становился твёрже.

— Пора получить Стигматы, — ответил я коротко. — Всем вам...

Решение не было героическим, и я не пытался выдать его за таковое. Стигматы дадут им доступ к Скрижалям, а вместе с ней — к Рунам, которые могут закрыть брешь в стене надёжнее любой телеги с камнем и быстрее, чем успеет прибыть подмога. Стигматы ещё дадут им другое право, о котором я предпочитал не говорить вслух. Право стать мишенью. Восходящих в войне ищут в первую очередь, выцеливают снайперы и отслеживают, как самую опасную и лакомую дичь. У врага это получалось пока не слишком хорошо, но начало положили мы с Чором этой ночью. Глупо ожидать, что нашу дерзкую вылазку оставят без внимания.

Энама, стоявшая у стены, резко вдохнула, но тут же взяла себя в руки, сжав губы в тонкую линию. Лиана, сидевшая ближе всех к окну, медленно, очень аккуратно положила ложку на край миски, будто боялась, что лишний звук спуг-

нёт принятое решение или изменит его. Нейла, напротив, подалась вперёд, и в её позе, в том, как напряглись плечи под тонкой тканью домашней накидки, читалась готовность, почти нетерпение. Одна из младших жён, та, что чаще молчала и старалась быть незаметной, вдруг побледнела так, что веснушки на её лице стали видны отчётливее, и машинально поискала глазами выход, будто примеряя, успеет ли добежать до двери, если что.

Локи медленно, очень медленно откинулся на спинку стула. Дерево жалобно скрипнуло под его весом.

— Ты решил всё таки решил дать им Скрижали... — произнёс он.

Это тоже был не вопрос.

— Да, — ответил я. — Нужны люди, которые смогут держать не только винтовку, но те что смогут использовать Руны.

Дана, не поднимая головы, провела пальцем по строчке в своей тетради, будто проверяла, не ошиблась ли в расчёте. Палец у неё чуть дрожал, но голос остался ровным.

— Дети останутся здесь...

Фраза была не просьбой. Уточнением. Последней проверкой, всё ли учтено.

— Да, дети останутся здесь, — подтвердил я. — С Локи и Чором.

Энама только опустила взгляд на троих, сидящих на лавке, на их уже чуть более спокойные лица, и кивнула.

Лиана сказала негромко, с тем мягким тоном, которым обычно успокаивают больного перед тяжёлой операцией, когда правду говорят, но оборачивают её в вату.

— Храм далеко, а Орда рядом.

— Поэтому мы полетим на «Золотом Дрейке», — ответил я. — Обернёмся быстро. Тихо. Вылетаем вечером, ударим по переправе на Исс-Тамас, чтобы отвлечь и рассеять внимание, и пойдём дальше. Возвратимся до конца древодня.

Нейла усмехнулась. Усмешка вышла короткой, хищной, совсем не женской.

— Ты решил совместить приятное с полезным, Кир. — уточнил Локи. — Удар по врагу и подвоз свежего мяса для Храма Вечности.

— Я решил совместить полезное с необходимым, — сказал я, и голос мой стал жёстче. — Приятного там не будет. Ни капли.

Чор, наконец, отставил пустую миску в сторону и потёр шею, там, где ремень винтовки вчера стёр кожу до красного, саднящего следа.

— Босс, ты уверен, что хочешь таскать на «Дрейке» целый гарем в полной выкладке? — спросил он ехидным тоном. — У нас и без того тесно, я тебе скажу. Я, например, зоргх крупный, мне нужен личный угол. Для размышлений и стратегического планирования.

Одна из младших жён, та самая, что искала глазами выход, коротко фыркнула. Фырк этот был удивительно злым, пол-

ным того презрения, которое обычно приберегают для особо наглых торговцев на базаре. Чор поймал этот звук, скосил на неё глаз и притворился, что ничего не заметил.

— Угол, — повторил он назидательно. — Просто угол. Без двусмысленностей. Я зоргх скромный, мне много не надо.

Я не стал развивать эту тему. Времени на шутки не оставалось. Сказал ровно то, что было важным, отсекая лишнее.

— Сбор через полчаса. В оружейной. Получите форму и броню, надо будет проверить оружие. Заканчивайте свои дела здесь и летим. Время пошло.

Дана уже встала, отодвинув стул, не доев и не допив свой эфоко. Локи поднялся следом, на ходу скользнул взглядом по детям, сидящим на лавке, и задержался на Энаме, которая стояла рядом с ними, как часовой на посту. Взгляд у него был тяжёлым, отцовским, без капли сентиментальности. Он понимал какую задачу она только что взяла на себя, и молча уважал её за это.

Я подошёл к лавке, где сидели дети, и медленно, чтобы не напугать, присел перед ними на корточки. Пелл смотрел на меня в упор, стараясь не моргать. Девочка спряталась за его плечо, но выглядывала. Младший просто замер, боясь дышать.

— Вы остаётесь здесь, — сказал я негромко, глядя каждому в глаза по очереди. — Это дедушка Локи и зоргх Чор они за вас отвечают. Слушайтесь их во всём. Энама полетит со мной. Если кто-то будет вас обижать или попытается сде-

лать вам плохо — вы сразу говорите об этом Чору или Локи. Поняли?

Пелл кивнул несколько раз, словно боялся, что один кивок я не засчитаю. Девочка тоже кивнула, уткнувшись носом в плечо мальчика. Третий ребёнок кивнул с заметной задержкой, будто проверял, правда ли можно доверять словам этого большого, пахнущего порохом страшного мужика.

Я поднялся, чувствуя, как за спиной уже двинулись стулья, зашуршала одежда. Дом ожил, зашевелился, как муравейник, в который сунули палку, и теперь его обитатели спешили кто куда, выполняя свою работу.

Оружейная в особняке была маленькой по меркам крепости — обычная комната, переоборудованная под склад, но для частного дома магистрата выглядела неприлично серьёзно. Здесь пахло ружейным маслом, холодным металлом и сухим деревом ящиков, в которых рядами лежали патроны. На стенах висели ремни, кобуры, подсумки, разложенные по размерам и назначению. На широком столе, затянутом зелёным сукном, лежали аккуратными рядами магазинные к «Суворовым» и сами «Суворовы» в транспортировочных кофрах, несколько коробок с гранатами и разобранный для чистки пулемёт, словно кто-то пытался навести порядок в хаосе хотя бы на одном квадратном метре этого мира.

Форма «Красной Роты» лежала тут же, сложенная в отдельные комплекты. Тёмная, почти чёрная ткань, не дающая бликов даже под ярким светом ламп, плотная и жёсткая, как

характер старого сержанта, который видел слишком много смертей, чтобы удивляться чему-то новому. Сегментированные пластины из воронёного металла закрывали грудь и плечи, наколенники и налокотники были рассчитаны на то, что боец будет ползти по камням и битому стеклу или в грязи и не задавать лишних вопросов. Разгрузки с жёсткими броневыми вставками были снабжены карманами под спаренные рожки, под гранаты, под аптечки первой помощи. К каждому комплекту прилагался шлем — надёжный, без единого украшения, с опускаемым визором и креплением под защитные очки и дыхательную маску. Всё выглядело настолько утилитарно и функционально, что даже легионерская броня, стоявшая тут же на манекене, рядом с этим казалась парадной.

Жёны вошли в оружейную группой, тесной кучкой, и замерли у порога, глядя на экипировку. Для них это всё ещё было чужим миром.

— Подходите по очереди, — сказал я, занимая место у стола. — Дана первая. Потом Энама. Остальные ждут.

Дана не возразила. Она быстро, без лишней суеты, скинула с себя домашнюю накидку, оставшись обнажённой, и начала натягивать бельё и комбинезон с таким сосредоточенным видом, будто примеряла не одежду для боя, а новую роль в жизни, от которой теперь никуда не деться. Локи подошёл к ней, помог застегнуть крепления на бронепластинах, проверил ремни, подтянул разгрузку так, чтобы она сидела плотно, но не мешала дышать. Делал он это мол-

ча, профессионально, быстрыми выверенными движениями. Отцовская забота у него давно уже выражалась не в словах, а помощи в практических вопросах своим дочерям.

Я смотрел на них и думал о том, что всё это — дом, пре-
вращающийся в убежище, женщины, примеряющие броню,
дети, учащиеся молчать, — всё это было платой. Платой за
то, что мы ещё держимся. И счёт этот всё возрастал с каж-
дым днём.

Энама возилась дольше всех. И это точно не от страха —
с этим у неё было как раз всё нормально, она вообще держа-
лась спокойно. Просто пальцы никак не могли привыкнуть к
жёстким ремням, к незнакомым застёжкам, к тому, как пла-
стины ложатся на грудь и плечи, сковывают движения. Она
привыкла вести хозяйство, привыкла, чтобы всё лежало на
своих местах, чтобы вещи не требовали от неё лишних дви-
жений. Здесь же было всё наоборот. Каждый шаг приходи-
лось продумывать, каждую лямку подтягивать, проверять, не
трёт ли где, не мешает ли.

Энама закусила губу, когда разгрузка никак не хотела са-
диться ровно. Как смогла поправила пластину на плече, по-
том ещё раз, и ещё, пока та не легла так, чтобы не впиваться
в ключицу при ходьбе. Пальцы у неё чуть подрагивали — от
напряжения, от того, что приходилось делать всё быстро и
правильно, а тело ещё не понимало, как это.

Она дошла до ножен, где лежал десантный нож из чёрно-
го керами́та, длинный, тяжёлый, с матовым лезвием. Оста-

новилась. Потрогала рукоять, провела по ней пальцем, словно проверяла, настоящая ли она, не сон ли это или игра воображения.

Лиана собралась быстро и без суеты. Слишком быстро для женщины, которая ещё вчера возилась с травами и настоями. Движения у неё были чёткими, уверенными, будто она не первый раз натягивала броню и проверяла затвор. Шлем надела, ремень под подбородком поправила, «Суворов» на плечо закинула. И всё это без единой лишней паузы и суеты. Я заметил это, но спрашивать откуда у неё такая сноровка не стал.

Нейла взяла свой нож, широкий и длинный, с рубчатой рукоятью. Дёрнула пару раз, проверяя, крепко ли сидит в ножнах. Удовлетворённо хмыкнула, убрала обратно и улыбнулась так, что у нормальных людей похолодело бы в животе. Её спокойствие раздражало. Война даёт каждому своё лекарство от страха, но её лекарство было слишком холодным, будто она давно перешагнула черту, за которой другие ещё взвешивают цену.

Две младшие супруги, те, что обычно держались позади старших, маялись с ремнями. Одна никак не могла понять, куда продевать лямку, другая всё пыталась пристроить подсумок, чтобы не болтался и не бил по бедру. Я дал им минуту, не вмешиваясь. Пусть сами попробуют найти логику в этой чужой конструкции. Потом подошёл, молча поправил ремень на одной, подтянул подсумок на другой, чуть сместив

назад. Они подняли на меня глаза. Обе смотрели настороженно. В этих взглядах читалось одно. Они не хотели выглядеть слабыми, не стать обузой, не оправдать тех, кто, может быть, уже сомневается.

Когда все наконец собрались, оружие взяли в руки. «Суворов» — простая штурмовая винтовка. Спаренные рожки вставили в приёмники, сухо щёлкнули затворы. Предохранители проверили, ремни подтянули, приклады к плечу примерили. Я смотрел, как они это делают.

Дана держала винтовку так, будто знала, где у неё центр тяжести. Не напрягалась, не перехватывала лишний раз. Энама — осторожно, но правильно. Её палец лёг вдоль скобы, оружие смотрит стволом вниз, глаза следят, куда он смотрит, даже когда цели нет. Лиана проверила прицел так, будто делала это не в первый раз. Нейла покрутила в руках магазин, взвешивая, и это короткое движение выдало привычку к огнестрельному оружию, которая не появляется за один день.

Я заставил их сделать несколько простых действий. Снять с предохранителя. Вернуть. Проверить затвор. Прицелиться в пустую стену, почувствовать воображаемую отдачу. Локи стоял рядом, молчал, только изредка подходил поправить ремень или чуть сместить подсумок. Оружие он держал уверенно, и это успокаивало. Он раздал запасные магазины, по шесть спаренных на ствол, закрепил на поясах аптечки.

Я, наблюдая за всем этим, бросил Чору короткое:

— К молодым не лезь. Страшилками не пугай, развеселить не пытайся. Даже если очень скучно. Крепись. Твоя задача сегодня очень простая — оберегать малышей, чтобы они дождались нас живыми и здоровыми.

Чор сделал вид, что оскорблён в лучших чувствах, и тут же, не меняя выражения лица, подмигнул Энаме. Та, не раздумывая, без паузы показала ему кулак. Коротко и ясно.

— Договорились, — пробормотал он с таким видом, будто только что заключил выгодную сделку.

Перед выходом Энама остановилась. Замерла на секунду, потом, словно вспомнив что-то важное, снова заглянула в коридор, где на тонких матрасах спали дети. Она просто подошла к девочке и поправила одеяло.

Мы вышли во двор. Камни под ногами были скользкими, каждый шаг звучал глухо. У ворот стояли двое бывших легионеров, усталые, невыспавшиеся. Увидев меня, вытянулись, потом на секунду зависли, заметив за моей спиной женщин в чёрной форме. Мгновение и взгляды у них стали такими, будто я им приказали забыть увиденное. За что я ценил этих парней, так это за то, что они понимали меня без слов.

Улицы города жили осадой. Редкие встреченные прохожие шли быстро, не поднимая головы, будто боялись встретиться со мной взглядами. У лавок стояли очереди, у колодцев ругались, у ворот таскали мешки с песком. Издалека, с того берега, доносились редкие раскаты артиллерии. Каждый из них отдавался в груди, как чужой пульс.

Гранитный Форт вырос перед нами тяжёлым, угловатым массивом. Никакой красоты — один голый расчёт, воплощённый в камне архитектором-минималистом. Пора мне что-то начать делать кроме стен, способных выдержать многолетнюю осаду. Узкие бойницы смотрели мрачно. Над стенами висел «Золотой Дрейк». На фоне серого неба его корпус выглядел чужим, слишком чистым, словно в грязную комнату поставили дорогое фортепиано и теперь боялись его запачкать.

Внутри кипела работа. Ящики с боеприпасами шли по живой цепочке — солдаты, грузчики, работяги передавали их из рук в руки. На земле лежали тросы, бочки и ящики. Лебёдки визжали, подтягивая груз к кораблю и спуская вниз.

Ари Чи стоял у штабеля, широкий, спокойный. Командовал без крика, просто показывал рукой, куда ставить, где не мешать. В зубах — трубка, дым от неё мешался с влажным воздухом. На поясе полуторный меч, какой в чести у горских кланов Аркадонцев.

— Ари! — окликнул я.

Он повернулся, скользнул взглядом по группе, кивнул.

— Привет, Кир! — ответил он. — Твои женщины?

Я кивнул. Он пыхнул трубкой и с видом заправского знатока сообщил:

— Одна другой краше. Везёт же тебе...

— Держись ко мне поближе, — подмигнул я в ответ, — Глядишь и тебе перепадёт от моей удачи.

— Так, а я что? — он показал в усмешке сколотый резец.

— Я и держусь. А ты чего? Решил своих на пикник свозить? Я кивнул ему.

— На болота.

— К Храму Вечности? — уточнил он и цыкнул зубом. —

Понимаю... Тогда становитесь на площадку. Поднимем вас сейчас на борт.

Мы сделали, как он сказал.

— Готовы, — ответил я. — Поднимайте...

Он махнул рукой своим:

— Быстрее, парни. Две минуты.

Внутри мелькнул Броган. Старый ветеран выглядел как обычно. Его обветренное и жёсткое лицо расцвело улыбкой. Он стоял у самого трапа, одним присутствием насаждая вокруг себя дисциплину и порядок. Увидев меня, коротко кивнул и расцвёл в улыбке, преобразившей его до неузнаваемости. Человек войны на мгновение сделал шаг назад, освободив место на подмостках место добряку и рубaxe-парню.

Вскоре мы оказались на борту. Жёны сгрудились на палубе тесной группой, стараясь держаться поближе ко мне. Но это не из-за робости или страха. Они просто привыкли держаться вместе.

Палуба «Золотого Дрейка» жила особенной нервной суетой, какая охватывает всякий сложный механизм перед прыжком в неизвестность. В воздухе ощущалось подтянутое, звенящее напряжение, когда каждый член команды и стрелок уже примирился с неизбежностью грядущего и теперь лишь старался занять руки делом, чтобы не оставаться наедине со своими мыслями. Серебристая ткань парусов хлопала на ветру с сухим, отрывистым звуком, словно кто-то невидимый в равнодушных небесах уже пересчитывал купюры, расплачиваясь за наши души авансом. По мачтам пробегала мелкая, ознобная дрожь, канаты гудели басовито и тревожно, но в этом гуле мне слышалось нечто родное, успокаивающее, как дыхание большого, преданного зверя, готового разорвать любого, кто посмеет нас тронуть.

Соболь стоял у надстройки, скрестив руки на груди. В тёмном капитанском кителе, с наглухо застёгнутым воротником, он казался монолитом, об который разбивались волны всеобщего беспокойства. На его лице застыло флегматичное отсутствующее выражение, с каким люди его склада встречают любую катастрофу — будь то шторм, способный переломить киль, или вражеская армада на горизонте. Для него это были лишь задачи, которые требовалось решить с максимальной эффективностью. Он скользнул по мне тяжёлым

внимательным взглядом, на секунду задержался на женщинах за моей спиной, словно пересчитывал инвентарь, и едва заметно качнул головой, приглашая к разговору. В этом жесте не было ни подобострастия, ни высокомерия — только сухая необходимость.

— Поднимемся на мостик? — спросил он, и голос его едва пробился сквозь свист ветра.

— Здесь давай поговорим, — отрезал я, чувствуя, как внутри ворочается нежелание уходить в закрытое пространство. — Женщины долго снаряжались, а времени нет. Нужно сразу на взлёт, как только будешь готов.

Он кивнул и подколот.

— Я-то готов хоть сейчас, Кир, а, вот, корабль под разгрузкой пока.

Мы отошли к самому борту, туда, где лязг и грохот погрузки становились тише, уступая место завыванию ветра в сложной паутине снастей. Внизу, в глубокой тени Гранитного Форта, продолжалась муравьиная работа. Ари Чи, похожий сверху на оживший механический кран, размахивал огромными ручищами, направляя потоки грузов. Рядом на борту стонали лебёдки, натягивая цепи до звона. Влажный ветер с Белого Озера лез под стыки бронепластин, кусал кожу, напоминая, что природа не знает жалости и не прощает слабости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.